

Молодяков Василий Элинархович

Vassili E. Molodiakov

«Проект российское востоковедение – устная история»

“Russian Orientology – Oral History” Project

Молодяков Элинархович (ВМ), д.полит.н., профессор университета Такусёку	Vassili E. Molodiakov Doc. of Political Science, professor (Takushoku University)
Дата: август-сентябрь 2022 Место: Токио – Москва Интервьюер: В.Ц. Головачёв (ВГ) Сноски и примечания: В.Ц. Головачёв, В.Э. Молодяков, М.А. Русанова Продолжительность: 4 часа	Date: August-September 2022 Place: Tokyo – Moscow Hosted by: Valentin Ts. Golovachev Footnotes & Comments: Valentin Ts. Golovachev, Vassili E. Molodiakov, Marina A. Rusanova Duration: 4 hours

Молодяков Василий Элинархович (1968 г.р.). Историк, японовед, библиофил. К.и.н. (1996, Институт стран Азии и Африки МГУ), Ph.D. (2002, Токийский университет), д.полит.н. (2004, Философский факультет МГУ). Ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН. Профессор университета Такусёку (Токио, Япония). Окончил ИСАА МГУ (1993, специальность «востоковед-историк»). Тема докторской диссертации «Консервативная революция в Японии: идеология и политика». Тематика востоковедных исследований: международные отношения первой половины XX века, политическая и интеллектуальная история Японии XIX-

XX веков, имиджмейкинг, колониальная политика Японии.

Автор книг: *Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков.* М.-Токио: ИВ РАН, 1996; *Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе).* Токио: издание автора, 1996; *Консервативная революция в Японии: идеология и политика.* М.: Восточная литература, 1999; *Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио.* М.: Вече, 2004; *Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929).* М.: Астрель, 2005; *Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских*

отношений (1929-1948). М.: Астрель, 2005; Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945). М.: Астрель, 2006; Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949) – дипломат, политик, мыслитель. М.: АИРО-XXI, 2006; Гото Симпэй и российско-японские отношения. М.: АИРО-XXI, 2006; История Японии. XX век. М.: Крафт+, 2007, 2009 (в соавторстве с Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарьян); Россия и Япония: имиджевые войны. М.: Астрель, 2007 (в соавторстве с А.Е. Кулановым); Россия и Япония: Золотой век (1905-1916). М.: Просвещение, 2008; Гото Симпэй то нитиро канкэй си. (Гото Симпэй и история японско-русских отношений). Токио: Фудзивара сётэн, 2009 (на японском языке); Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: Моногатари, 2011; Дзяпонидзуму-но Росиа. Сирарэдзару Нитиро бунка канкэй си. (Россия «японизма». Неизвестные страницы истории российско-японских культурных связей). Токио: Фудзивара сётэн, 2011 (на японском языке); Россия и Япония в поисках согласия. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012; Тайвань в эпоху японского правления. Источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор (в соавторстве с В.Ц. Головачевым). М.: ИВ РАН, 2014. 128 С. (перевод на китайский язык: Тайбэй, 2019); Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX-XX веков. СПб.: Нестор-История, 2019; Японский буддизм Чистой Земли (амидаизм) – взгляд с Запада: заметки о патриархе Хонэне и патриархе Синране. Токио: Сэйриндзи, 2019.

Подготовил к изданию книги: Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов, 1907-1929. М.-СПб.: АИРО-XXI – Дмитрий Буланин, 2005; Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933-1945. М.: АИРО-XXI. 2008.

Другие книги посвящены политической и интеллектуальной истории Германии, Франции и США первой половины XX века, русской литературе Серебряного века, библиофильству.

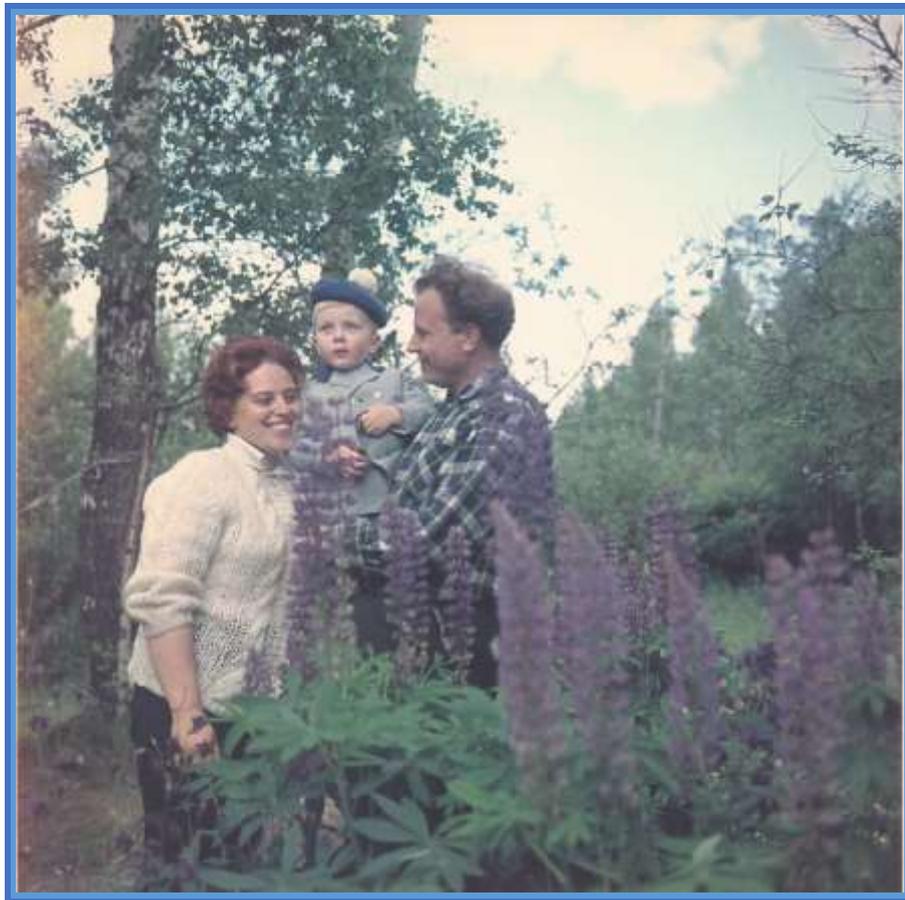
Автор статей в «Большой российской энциклопедии», «Российской исторической энциклопедии», энциклопедии «Япония от А до Я». Член-учредитель Национального союза библиофилов (Россия).

О пути в науку

ВГ: По традиции наших интервью представьтесь, пожалуйста, кто вы, где и когда родились.

ВМ: Василий Элинархович Молодяков, историк широкого профиля, библиофил. Родился 3 июня 1968 г. в Москве. Родители: Элинарх Васильевич Молодяков (1932-1976), уроженец Грязовецкого района Вологодской области, и Эльгена Васильевна Молодякова (1937-2016), урожденная Лазарева, родившаяся на Колыме, где ее отец, мой дед, почти четверть века строил шоссейные дороги. Люди с такими экзотическими именами должны были встретиться, полюбить друг друга и пожениться. Зато не было споров о том, как назвать первого (и единственного) сына.

Отец, способный парень с Вологодчины, поступил в МГИМО, закончил и стал переводчиком немецкого языка. Про него говорили, что у него венский акцент и врожденная элегантность. Переводил главного австрийского коммуниста Иоганна Копленига¹ – храню том его сочинений с благодарственной надписью отцу. Много лет работал в Агентстве печати «Новости», в 1973-1975 гг. возглавлял корпункт в Западном Берлине, но жил с семьей, разумеется, в Восточном, потом редакцию фотоинформации. Вопреки расхожему мнению об АПН-овцах, в «органах» не служил. Погиб в автомобильной катастрофе, когда мне было восемь лет. Слава богам, мне не говорили, что «папа уехал в командировку». Моя мама полвека прослужила в ИВ РАН, так что ее, наверное, подробно не представлять не надо.

С родителями Эльгеной Васильевной и Элинархом Васильевичем на даче. 1971

¹ Коплениг Иоганн (Johann Koplenig, 1891–1968), генеральный секретарь (1924–1945), председатель (1945–1965) Коммунистической партии Австрии. Его «Избранные произведения (1924–1962 гг.)» выпущены Госполитиздатом в 1963 г.

ВГ: Всё же просим хотя бы коротко представить вашу маму, как профессионала, для тех, кто не был знаком с ней и с её работой в ИВ РАН!

ВМ: Она была в первом выпуске Института восточных языков, будущего ИСАА, в 1960 г., вместе с его многолетним директором *М.С. Мейером*². После нескольких лет работы переводчиком в ряде организаций, включая Международный отдел ЦК КПСС, с немалыми трудностями организационного характера перешла на научную работу в Институт востоковедения. Там она прошла путь от аспиранта и младшего научного сотрудника до руководителя Центра японских исследований и заместителя директора. Авторских книг выпустила мало, потому что все силы отдавала коллективным трудам, охотно работала с молодёжью, была профессором МГИМО. О своем пути рассказала в интервью, которое дополняет библиография, насчитывающая более 300 позиций. Всё это можно прочитать в сборнике ее избранных работ «Япония: тотальная победа консерваторов»³, изданном к ее 80-летию и, увы, посмертно.

ВГ: Хотелось бы поговорить про вашу судьбу ученого, услышать рассказ о наиболее интересных, значимых событиях и моментах вашей жизни и научной работы как известного японоведа.

ВМ: Спасибо за интерес к моей работе! Всегда приятно поговорить об этом, но прежде всего сделаю важную для меня оговорку. Я не люблю, когда меня называют японоведом. Это сужает круг моих не только профессиональных интересов, но и компетенций, даже если те не указаны у меня в дипломе. Но я охотно расскажу об этой сфере своей работы.

ВГ: Но вы не упомянули и слово «востоковед»! Оно тоже сужает круг вашей деятельности?

ВМ: Да, востока для меня маловато. И я решительно не понимаю, как можно серьёзно и продуктивно исследовать «Восток», пусть в самом широком смысле, без «Запада», тоже в самом широком смысле.

ВГ: Когда вы впервые узнали, что существует страна Япония, и как это произошло?

² *Мейер Михаил Серафимович* (1936–2022), историк-тюрколог, д.и.н. (1990), проф. (1992), директор (1994–2012) и президент (2012–2022) ИСАА, заслуженный профессор МГУ (2003).

³ *Молодякова Э.В.* Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016 / Редактор-составитель В.Э. Молодяков / Ответственный редактор Е.Л. Катасонова / Предисловие В.В. Наумкина / Вступительная статья И.Л. Тимониной. М.: ИВ РАН, 2017.

ВМ: С самого раннего детства, когда моя мама писала кандидатскую диссертацию. Я воспринимал это как некую игру, в которую играют взрослые.

ВГ: Каким был изначальный образ Японии в вашем восприятии?

ВМ: Прежде всего по маминым рассказам. Она никогда не жила в Японии подолгу, но регулярно бывала там. В советское время ее, младшего научного сотрудника, в командировки не посылали. Она ездила переводчиком с театральными коллективами – это тяжелый труд – не только для того, чтобы заработать денег, хотя растила меня одна. Она умудрялась из этих поездок привозить материал для научной работы. Первое мое представление о Японии было как о супертехнологичной стране, «стране двадцать первого века», как говорили, когда мы жили еще в двадцатом.

ВГ: Наверное, мама привозила из Японии не только научный материал, но и какие-то игрушки или другие подарки для вас? Вы помните свои впечатления от этих «японских» подарков?

ВМ: Конечно, это было необычно и, как сейчас говорят, прикольно. Например, шагающий робот. Но игрушек было мало - я к ним вообще был почему-то равнодушен. Зато с детских лет у меня хобби, которому я верен по сей день, – собираю игрушечных мышей. На востоке Мышь / Крыса – первый знак зодиакального цикла и вообще очень положительное создание, хозяйственный и рачительный зверь. У меня неплохая коллекция не только самых разных фигурок, но и вотивных табличек *эма* из синтоистских храмов. Японцы покупают их, пишут пожелания и вешают в специально отведенном месте в храме, а я уношу домой.

*Изучение национальной религии Синто методом включенного наблюдения.
В храмовом комплексе Хиэ-дзиндзя. Токио. 2019. Фото О.В. Андреевой*

ВГ: Кто повлиял на ваши интересы и выбор профессии (родители, друзья, знакомые)?

ВМ: На интересы, которые в будущем стали профессиональными, повлиял прежде всего круг самостоятельного чтения. В 13 лет я получил от мамы в подарок на день рождения «Избранное» *Константина Бальмонта*⁴ (1980). И понеслось – захватили стихи. Читал запоем всё, до чего мог дотянуться, все карманные деньги уходили на книги. Тогда же начал читать серьезную литературу по истории, которую любил с детства. Например, «Наполеон Бонапарт» *А.З. Манфреда*⁵ и – кто-то сейчас улыбнется – «Двадцать три ступени вниз» *М.К. Касвинова*⁶. Любимым чтением в отрочестве была старая «История дипломатии» под редакцией *В.П. Потемкина*⁷, оставшаяся от отца. Ее второй и третий тома определили интерес к эпохе от франко-прусской войны до Второй мировой. А вот исторические романы почти не читал. Колоссальное впечатление – две редакции романа *Андрея Белого*⁸ «Петербург» со статьями *Л.К. Долгополова*⁹.

ВГ: Япония присутствовала в этих интересах?

ВМ: В школьные годы – почти нет. Как ни странно, сын ученого-япониста ей не увлекался и даже не интересовался. Я подумывал о поступлении на филологический факультет МГУ, наивно хотел заниматься Серебряным веком, хотя время было неблагоприятное. Мама не считала это перспективной профессией и твердой рукой направила меня по своим стопам – в Институт стран Азии и Африки. В 1985 г. я поступил в ИСАА, сдав все вступительные экзамены на «отлично», получил право выбора языка, после ряда пертурбаций был зачислен в японскую группу и сумел остаться в ней.

ВГ: Как и почему вы занялись изучением Японии?

⁴ *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867–1942), поэт, прозаик, эссеист, переводчик, один из ведущих представителей символизма.

⁵ *Манфред Альберт Захарович* (1906–1976), историк, д.и.н. (1950); книга «Наполеон Бонапарт» была издана в 1971 г. и неоднократно переиздавалась.

⁶ *Касвинов Марк Константинович* (1910–1977), журналист, пропагандист; книга «Двадцать три ступени вниз» опубликована в журнале «Звезда» в 1972–1974 гг. и, начиная с 1978 г., неоднократно выходила отдельным изданием.

⁷ *Потемкин Владимир Петрович* (1874–1946), революционер, дипломат, историк, организатор науки, нарком просвещения РСФСР (1940–1946), академик (1943), основатель и первый президент Академии педагогических наук РСФСР (1943–1946); главный редактор «Истории дипломатии» в трех томах (1941–1945).

⁸ *Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич)*, 1880–1934), поэт, прозаик, критик, теоретик литературы, мемуарист, один из ведущих представителей символизма.

⁹ *Долгополов Леонид Константинович* (1928–1995), историк русской литературы, аспирант, научный сотрудник ИРЛИ (1955–1971), д.ф.н. (1989), член СП СССР (1980).

ВМ: Я бы поставил вопрос по-иному: почему я сделал науку своей профессией?

Тяга к исследовательской работе проявилась у меня уже в старших классах школы. Я отлично помню, как летом 1988 г., вернувшись из армии после двух лет срочной службы и «обдумывая житье», читал на даче только что вышедшую книгу Долгополова «Андрей Белый и его роман "Петербург"». Там были слова о том, что тема «восточной мистики» в романе совершенно не исследована. Это был, как сейчас выражаются, триггер. Я решил, что буду заниматься наукой, т.е. сделаю исследовательскую работу своей профессией, и буду изучать японскую тему в литературе и искусстве Серебряного века, которые неплохо – конечно, по тем временам – знал.

ВГ: В какие годы вы учились в ИСАА?

ВМ: С 1985 по 1993 г.

ВГ: Как складывались ваши отношения с японским языком, кто Вам его преподавал?

ВМ: Японский язык – очень трудный. Я начал изучать его в 17 лет, через год ушел в армию, но за второй год службы с помощью самостоятельных занятий восстановил уровень первого курса. Мне пришлось и английский язык с нуля осваивать, потому что в школе учил французский, а в ИСАА не было французской группы. Английский я в армии не восстановил, поэтому пришел на второй курс с нулевым знанием. Ох! Языки в ИСАА преподавали хорошо и спрашивали строго. Было тяжело. Среди преподавателей японского языка добрым словом вспоминаю *В.А. Коняхина*¹⁰, на занятиях которого было трудно, но интересно и порой весело в силу его доброжелательного отношения к студентам, что встречалось не часто. Неизменно внимателен и доброжелателен к студентам был *Е.В. Маевский*¹¹. Преподавателей-японцев тогда не было. Носителями языка выступали *В.А. Янушевский*¹², полурусский-полуяпонец, родившийся в Токио, и *Л.А. Стрижак*¹³, уроженец Харбина. Оба они приехали в СССР после Второй мировой войны.

ВГ: С кем вы учились в одной группе (курсе, факультете, институте)?

¹⁰ *Коняхин Василий Алексеевич* (1948–202?), лингвист, к.ф.н. (1986), преподаватель ИСАА, с середины 1990-х гг. работал в Японии преподавателем русского языка.

¹¹ *Маевский Евгений Викторович* (1944–2008), лингвист, культуролог, переводчик, с 1968 г. преподавал в ИВЯ/ИСАА, к.ф.н. (1974), доктор культурологии (2000), проф., зав. кафедрой японской филологии (1995–2008).

¹² *Янушевский Владимир Александрович* (сведений нет), преподаватель ИСАА.

¹³ *Стрижак Леон Абрамович* (1927–2009), с 1960 г. переводчик кафедры японской филологии ИВЯ, с 1965 г. на преподавательской работе, доц. (1991), автор учебников.

ВМ: Некоторые однокурсники стали дипломатами, дослужившись до ранга посла, некоторые известными учеными. Никто из однокурсников-японистов не избрал науку в качестве профессии. Время было практическое, девяностые годы, кого-то даже убили. Многие разъехались по свету.

ВГ: Кто были вашими учителями (судьбы, специальность, характер)?

ВМ: Меня никто не учил, не «натаскивал». Я всему учился сам, учил себя в прямом смысле слова. Очень много читал, потом пытался писать. Три человека сыграли определяющую роль в моей жизни. *Татьяна Петровна Григорьева*¹⁴, известный востоковед широкого профиля, филолог по «бумагам», философ по складу ума, человек уникальной внутренней свободы. Леонид Константинович Долгополов, не просто известный исследователь Серебряного века, но историк и, я бы сказал, философ литературы и тоже человек удивительной внутренней свободы. Я пришел к ним «готовым», прочитав все их основные работы, – и они стали со мной разговаривать. Григорьева была коллегой и давней знакомой мамы, но для Долгополова я был человеком из другого мира. И он меня принял! Третьим учителем была моя мама. Точнее, старшим коллегой, с которым я находился в непрерывном процессе интеллектуального «взаимного опыления». Это продолжается и сейчас. Ее портрет, сделанный моей женой Ольгой Андреевой, замечательным фотохудожником, висит над письменным столом в моем домашнем кабинете, и я с ней часто разговариваю.

С Э.В. Молодяковой и женой О.В. Андреевой. Токио. 2012

¹⁴ *Григорьева Татьяна Петровна* (1929–2014). Японист (дочь япониста Р.П. Тапехи), историк литературы и философии. Окончила МИВ (1952). Д.ф.н. (1979), профессор (1994), заслуженный деятель науки РФ (1997). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1958). Член Союза писателей России.

ВГ: В этом списке нет никого из ИСАА. Почему?

ВМ: Как я сказал, языкам там учили хорошо. В профессиональном плане как историку ИСАА не дал мне ничего или очень мало. Среди преподавателей – я не говорю про «грандов», читавших одну-две лекции на потоке, – не было ни крупных ученых-исследователей, ни ярких личностей, способных или хотя бы желавших увлечь своим предметом. Преподавали качественно, но неинтересно и «без души», кроме погруженного в свой мир буддолога *А.Н. Игнатовича*¹⁵, которого мои практичные сокурсники воспринимали с трудом.

Сначала историю Японии нам читал *И.М. Сырицын*¹⁶, автор единственной книги "Борьба японских трудящихся против войны и фашизма. 1935–1937" (1960), слабой даже по советским меркам, статей о генезисе феодального землевладения и первых глав учебника "История Японии" (1988). Он не то чтобы пытался привить нам любовь к своему предмету, но, казалось, стремился воспитать ненависть к нему. Дело было не только в холодно-отчужденном отношении к студентам (говорят, у него была какая-то личная трагедия). От его лекций "хотелось выть и грызть парту", как выразился один мой *сэмпай* (старший товарищ). На четвертом курсе, услышав тему моей курсовой о "жапонизме" французских импрессионистов, он спросил дословно: "Откуда ты знаешь французских импрессионистов?". Вопрос прозвучал весомо.

Новую и новейшую историю Японии читала *Е.А. Капранова*¹⁷, элегантная женщина, знаток предмета, неплохой педагог, преподававший, может, не увлекательно, но основательно и дельно, при этом придиричивый человек (особенно доставалось девушкам) и «ноль» в науке: не опубликовала, кажется, ни одной статьи, не написала диссертацию и осталась старшим преподавателем. Сначала она для порядка попыталась меня «обломать», а, когда не получилось, сообразила, что лучше оставить всё как есть. Мы дружили домами, но потом она сделала мне неожиданную подлость на предзащите кандидатской, и я её больше не видел. Она давно умерла.

¹⁵ *Игнатович Александр Николаевич* (1947–2001), историк, религиовед, буддолог, переводчик, к.ф.н. (1980).

¹⁶ *Сырицын Игорь Михайлович* (1921–1996), историк, к.и.н. (1954), доц. (1958), декан специального факультета ИВЯ (1956–1959, 1962–1965), историко-филологического факультета ИВЯ (1962–1965).

¹⁷ *Капранова Елена Александровна* (1947–2000), ст. преподаватель ИСАА.

У *Г.Б. Навлицкой*¹⁸ я не учился, только писал диплом, стараясь её этим не обременять. Иные над ней заглазно посмеивались, но её обаяние и доброта остались в памяти всех, кто ее знал.

За единичными исключениями у преподавателей, причем не только японистов, не было ни малейшего стремления к человеческому контакту со студентами, даже со стороны научных руководителей. Маститый переводчик японской прозы *В.С. Гривнин*¹⁹ читал нам на старших курсах «современную японскую литературу» и «теорию и практику перевода и реферирования» с выражением на лице «боже, на что я вынужден тратить своё драгоценное время». Не было отношений «учитель – ученик».

ВГ: Какие события времени и личные обстоятельства больше всего повлияли на Вашу японоведческую судьбу?

ВМ: Перестройка и снятие идеологического пресса с гуманитарных наук в целом. Это раз. Возможность поехать в Японию. Это два. Моя личная целеустремленность и решимость заниматься наукой в самое неподходящее для этого время. Это три.

Подготовка ученых-исследователей не входила в задачи ИСАА, во всяком случае в приоритетные. Институт призван был готовить переводчиков и страноведов-практиков для госструктур (не только КГБ, как думают обыватели), где требовались такие специалисты, а также преподавателей для поддержания учебного процесса. Вторые должны были вести некую научную работу для карьеры, первым это не возбранялось, ибо ученые степени всегда были в цене. Я не хотел быть ни практиком, ни преподавателем. Я понимал, что обрекаю себя на «третий сорт» в материальном и социальном плане, но шла перестройка... и бог знает, как «это всё» могло «повернуться».

ВГ: Когда и как вы впервые побывали в Японии?

ВМ: Это занятная история. Одним из главных бонусов обучения в ИСАА была 10-месячная заграничная стажировка. На рубеже 1980-х и 1990-х попасть в Японию за казенный счет было очень неплохо. В начале четвертого курса мы сдавали экзамены на стажировку в университет Токай – давний партнер МГУ. Вся группа сдала, только Молодяков не сдал: 184 балла вместо требуемых 190. Туп к японскому языку – это ему, то есть мне, ещё на первом курсе говорили (была такая трагикомическая и гнусоватая история). Неприятно, но что делать. И тут объявляют внеплановый бонус.

¹⁸ *Навлицкая Галина Брониславовна* (1928–2021), историк, с 1956 г. в ИВЯ/ИСАА, д.и.н. (1993), проф. (1994), проф.-консультант (2003), заслуженный проф. МГУ (2008).

¹⁹ *Гривнин Владимир Сергеевич* (1923–2014), историк литературы, переводчик, член СП СССР (1972), д.ф.н. (1976), проф. (1978), заслуженный проф. МГУ (2000).

Одна зарубежная религиозная организация, стремившаяся пробраться в систему образования СССР... ладно, скажу сразу – это «Церковь Муна»²⁰ – устраивает 10-дневную поездку в Японию для группы студентов, аспирантов и молодых журналистов. В мае 1991 г. в качестве утешительного приза туда отправляют меня и других, кто не едет в Токай.

ВГ: Каковы были ваши первые впечатления о Японии?

ВМ: Напомню, это май 1991 г. В Москве было уже, скажем так, не вполне комфортно и стабильно. Контраст оказался впечатляющим: в Японии всё можно купить без очереди и вообще безопасно. Я по природе равнодушен к вещам, к материальным благам, но комфорт и стабильность ценю. Однако в первом впечатлении был оттенок разочарования. Япония оказалась более обычной, чем я думал. Позже мне доводилось много общаться с русскими, приезжавшими в Японию впервые, и я спрашивал об их первых впечатлениях. Общим местом было разочарование. Одни ожидали увидеть традиционную «страну гейш и самураев». Другие, напротив, супертехнологичную «страну роботов». Ни те, ни другие ожидаемого не увидели.

Нашу группу привезли в Японию с целью «промывки мозгов». Нам немного показали Токио в начале и в конце поездки, дали немного денег на карманные расходы и отправили в отель в горах, где читали лекции о «научном мунизме», как мы его тут же окрестили. Не знаю, на что рассчитывали муновцы, но они потерпели полное фиаско. На нас смотрели как на... лохов, извините, не подберу другого слова, которые почему-то должны слушать их ахиною с открытым ртом и немедленно вступать в их церковь. Люди в группе подобрались умные, образованные, ироничные и как пошли задавать вопросы и комментировать, благо многие прочитали вышедшую незадолго до того в русском переводе книгу *Ж.Ф. Буайе «Империя Муна»*²¹. Наши визави были очень недовольны, но сетовать могли только на самих себя, ибо крупно просчитались, не удосужившись разобраться, с кем имеют дело.

ВГ: И всё же, первая встреча с Японией очаровала или разочаровала?

ВМ: Конечно, Япония мне очень понравилась. Я понял, что не зря все эти годы мучился, изучая японский язык. Понял, что хочу поехать туда снова. И тут неожиданное продолжение. Как-то раз прихожу домой, а мама говорит: "Звонил Маевский (зав. кафедрой японской филологии). Сказал, что ты должен сдать какой-то экзамен. Я ответила, что ты неспособный к японскому языку и сдавать ничего не будешь. Но он очень просил позвонить". Звоню – всё-таки

²⁰ Церковь объединения (Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства). Основана в 1954 г. в Сеуле. Основатель – Сан Мьёнг Мун.

²¹ *Буайе Ж.Ф. Империя Муна / Пер. с франц. М.: Политиздат, 1990.*

заведующий кафедрой. «Василий, открывается возможность новой стажировки, вам надо сдать экзамен». «Е.В., не буду, я же не способен к японскому языку». (Металл в голосе:) «Василий, надо!» Ну, если надо... Сдал. Поехал в университет Сока – выбора не было. Минувшей зимой поклонился могиле Маевского на Ваганьковском кладбище.

ВГ: Как проходила ваша стажировка в Японии?

Первая стажировка в Японии. Гора Дзимба покорена. Хатиодзи. Весна 1992.

ВМ: Замечательное время, которое я вспоминаю, как у *Бродского*²², «с грустью и нежностью». Мы поехали без «опекающего» нас преподавателя, и это было прекрасно. Мы учились в университете, принадлежащем известной религиозной организации *Сока гаккай*²³, объединению мирян-буддистов с неоднозначной репутацией. Когда я говорю японцам, что стажировался в университете Сока, то сразу ловлю на себе несколько напряженный взгляд и тут же добавляю, что был там по обмену с МГУ, а не сам выбрал его. Нас учили в основном японскому языку. В «соковскую» веру обращать особо не пытались, но привлекали на разные мероприятия в университете в качестве массовки, чему мы относились с пониманием. Пользуясь случаем, я ездил в Токио (университет находится в г. Хатиодзи,

²² *Бродский Иосиф Александрович* (1940–1996), поэт, эссеист.

²³ *Сока гаккай* (Общество создания ценностей). Наиболее многочисленная и влиятельная организация японских мирян-буддистов школы Нитирэн, ведущая разнообразную деятельность в Японии и за рубежом. В политике представлена партией Комэйто.

примерно в полутора часах на электричке до центра Токио), ходил по музеям и книжным магазинам, тратя на книги все сбереженные деньги. Запомнил две выставки, которые не просто произвели впечатление, но помогли в работе над изучением образа Японии: «Япония и Британия. 1850-1930» и «Ван Гог и Япония»; храню их каталоги с вложенными входными билетами. Огромное впечатление произвел синтоистский храм Ясукуни и военно-исторический музей Юсюкан, где я с тех пор бывал, наверное, полсотни раз, водил туда всех своих друзей и знакомых. Привез домой полное на тот момент собрание дисков своего любимого *Криса де Бурга*²⁴ – прекрасного поэта, а не только певца и музыканта – и несколько циклов стихов, позднее вошедших в мой единственный сборник «Бумажный парус» (2004). Романтическое было время!

ВГ: А как было дело с японским языком?

ВМ: Поначалу туго. Казалось, что я не понимаю ничего, и никто не понимает меня. Но буквально через неделю погружения в языковую среду всё встало на свои места. Тут я понял, что учили нас хорошо, заложили надежную основу, в том числе по грамматике и словарному запасу, но не хватало разговорной практики и аудирования, чего никакие записи из лингафонного кабинета дать не могут. Это ведь было задолго до интернета.

ВГ: Вы владеете японским языком в совершенстве?

ВМ: «Не бойтесь совершенства – вам его не достичь», как сказал *Сальвадор Дали*²⁵. Я никогда к этому не стремился. У меня нет особых способностей к иностранным языкам и нет вкуса к их изучению. Они для меня рабочий инструмент, а не музыка. «Учить» японский я перестал, сдав выпускной экзамен ИСАА. Знаний хватает для полноценной научной работы и чтения лекционных курсов, не говоря о повседневной жизни, а статьи и книги на японском языке все равно правят местные редакторы.

О работе учёного-историка

ВГ: Каким образом сформировался круг Ваших научных интересов?

ВМ: Сначала это Серебряный век плюс Япония. Японоведы за единичными исключениями не включали Серебряный век в сферу своих профессиональных интересов. Исследователи Серебряного века были совершенно девственны в отношении Японии. Я совместил знания в этих сферах. Русский Серебряный век неотделим от европейского модернизма. И если о «жапонизме» во Франции,

²⁴ *Крис де Бург* (*Chris de Burgh*, 1948 г.р.), ирландский поэт, музыкант и исполнитель.

²⁵ *Сальвадор Дали* (*Salvador Domènec Felip Jacint Dalí i Domènech*, 1904–1989), художник, эссеист, один из основоположников сюрреализма.

особенно в связи с импрессионистами, написано много и кое-что даже по-русски, то британский «жапонизм» сводился к *Уистлеру*²⁶ и не связывался с прерафаэлитами²⁷, а там есть интересные параллели. В русской литературе, философской и политической мысли рубежа веков Японией прямо затронуты *Вл. Соловьев*²⁸, *Брюсов*²⁹, Бальмонт, Белый, – ключевые фигуры эпохи. В искусстве «жапонизм» есть у *Добужинского*³⁰, *Остроумовой-Лебедевой*³¹, *Рериха*³² (связи последнего с Японией – отдельная тема).

ВГ: С чего начиналась Ваша исследовательская деятельность?

ВМ: На историко-филологическом факультете (истфиле) ИСАА, где я учился, компаративистика была не в чести. Дали тебе Японию – занимайся Японией! Как говорится, «слушай, Ваня, свои "Валенки" и не выпендривайся». Однако я еще студентом, начиная с третьего курса, опубликовал серию статей на указанные темы в журналах «Вестник МГУ. Серия: Востоковедение», «Проблемы Дальнего Востока», «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», ежегоднике «Япония». Итогом стала книга «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков», изданная в 1996 г. и защищенная в ИСАА в качестве кандидатской диссертации. Мечтаю переиздать ее в дополненном виде и с большим количеством иллюстраций, иначе получается «разговор о вкусе коньяка»! В наши дни иные авторы, не исключая докторов наук, делают вид, что такой книги нет, и «перепируют на язык родных осин» ее ключевые моменты в виде оригинальных работ. И в иностранной литературе о мировом «жапонизме» русской культуре отводится ничтожно мало места, а то и не отводится вовсе.

²⁶ *Уистлер Джеймс Эббот Мак-Нейл* (*Whistle James Abbot McNeill*, 1834–1903), английский живописец и график американского происхождения, эссеист.

²⁷ Прерафаэлиты (*Pre-Raphaelites*). Направление в англ. поэзии и живописи во 2-й пол. XIX в. Возникло в нач. 1850-х гг. с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классике. Название «прерафаэлиты» подразумевало духовное родство с флорентийскими художниками эпохи раннего Возрождения, т.е. «до Рафаэля» и Микеланджело.

²⁸ *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900), философ, поэт, литературный критик; оказал большое влияние на символистов.

²⁹ *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, литературный критик, историк литературы, переводчик, один из создателей и вождей русского символизма.

³⁰ *Добужинский Мстислав Валерианович* (1875–1957), живописец, график, сценограф, мемуарист.

³¹ *Остроумова-Лебедева Анна Петровна* (1871–1955), график, собиратель гравюр, мемуарист.

³² *Рерих Николай Константинович* (1874–1947), живописец, график, сценограф, археолог, путешественник, общественный деятель, философ-мистик, эссеист, поэт.

ВГ: Студенту трудно было публиковаться?

ВМ: Студенты почти не публиковались. Я бы сказал, им не положено было публиковаться в таких изданиях. Поэтому на меня смотрели с некоторой оторопью... но доброжелательно. Вспоминаю добрым словом моего первого редактора из «Проблем Дальнего Востока» *Н.П. Тебина*³³, профессионального япониста с опытом практической работы. Известные японисты *Л.Д. Гришелева*³⁴ и *Л.М. Ермакова*³⁵ написали положительные отзывы на мои первые статьи. Милейший *А.М. Гуревич*³⁶, пушкинист, служивший в «Известиях Отделения литературы и языка», при первом знакомстве весело подмигнул мне и спросил: «Ну что, острова отдавать будем?» Но я сразу понял, что в журналы, где платят гонорары, «посторонним вход воспрещен».

ВГ: Преподаватели ИСАА помогали Вам в научной работе?

ВМ: Нет. Спасибо тем, кто не мешал. У японистов-историков тогда своей кафедры не было. Мы были приписаны к «сборной» кафедре, заведующий которой японистов не жаловал, а еще ему не нравились мои политические взгляды. На пятом курсе он запретил мне писать диплом по компаративистике. Только узко страноведческая тема! То, что у меня об «образе Японии» уже были две курсовые работы на «пятерки» и статьи в академических журналах, – тем хуже. Что делать? Матушка поделилась материалами к своей докторской диссертации о японских профсоюзах (их бы еще на несколько таких хватило), я добавил новомодных теорий и словечек, научный руководитель Г.Б. Навлицкая, давняя подруга мамы, сказала, чтобы я не беспокоился. Заведующий кафедрой на защиту дипломников-японистов просто не пришел. Я получил «пять» и красный диплом.

ВГ: Как изменялись ваши научные интересы и почему?

ВМ: Япония была интересна мне не сама по себе, но как часть какого-то большого целого. С процессом изучения образа Японии по времени совпало знакомство с работами *А.Г. Дугина*³⁷, прежде всего

³³ *Тебин Николай Петрович* (1935 г.р.) журналист-международник, корр. ТАСС в Токио (1971–1976, 1980–1984), с.н.с. ИДВ (1985–2018), научный ред. журнала «Проблемы Дальнего Востока».

³⁴ *Гришелева Лидия Диомидовна* (1926–1993), филолог, культуролог, театровед, с 1955 г. в ИВ РАН, д.ф.н. (1990).

³⁵ *Ермакова Людмила Михайловна* (1945 г.р.), филолог, религиовед, культуролог, работала в издательстве «Художественная литература» (1968–1975), ВГБИЛ (1975–1988), ИВ РАН (1988–1998), д.ф.н. (1991), проф. ун-та Иностранных языков в Кобэ (1999–2011).

³⁶ *Гуревич Александр Михайлович* (1931–2022), филолог, к.ф.н. (1966).

³⁷ *Дугин Александр Гельевич* (1962 г.р.), философ, политолог, социолог, публицист, общественный деятель, лидер Международного евразийского движения, д.полит.н. (2004).

с «Великой войной континентов» в самом начале 1990-х. Сейчас это имя вызывает полярные оценки. Как многие интеллектуалы моего поколения я благодарен Дугину за то, что он открыл нам целый ряд неведомых ранее имен и тем. Благодаря ему я узнал имена и идеи *Р. Генона*³⁸ и *Ю. Эволы*³⁹, осознал, кто такой *К. Хаусхофер*⁴⁰, что такое геополитика и консервативная революция. Он указал путь, по которому я дальше пошел сам. Последние четверть века я не читал сочинений Дугина и не берусь судить о них, хотя интеллектуальный пейзаж современной России без них непредставим. Я не его ученик или последователь. Но было бы несправедливо не сказать спасибо за важные знания, полученные от него более тридцати лет назад.

Дугинская схема про «атлантизм» и «евразийство» гораздо лучше работает в новой истории Японии, чем там, где он ее применял. Она объясняет борьбу «англо-американской фракции» (*эйбэйха*) японского политикума, начиная с эпохи Мэйдзи, против адептов «континентальной политики» (*тайрику сэйсаку*) и членов «фракции обновления» (*какусинха*) и т.д. Первые успешно изображали из себя либералов и чуть ли не интернационалистов, представляя вторых дремучими националистами и агрессорами. В действительности все они были экспансионистами. Речь шла не столько о методах и направлениях экспансии, сколько о формах и формулировках, о риторике, которой эта экспансия прикрывалась. И о разнице геополитической ориентации – на Великобританию и США или на Германию и Россию. Очень увлекательная история! Но кроме меня *так* ее никто не рассказывает. Раньше всё было просто: базис и надстройка. Одни выражали интересы «старых концернов», другие – «новых концернов». А сейчас вообще нет никакого анализа этих процессов, просто перечисление дат, фамилий и фактов.

ВГ: Как изменились ваши интересы и направления исследований после защиты кандидатской диссертации?

ВМ: Вторая половина 1990-х годов, после завершения диссертации об образе Японии, прошла для меня под знаком консервативной революции, концепцию которой я впервые применил к новой истории Японии. Эта работа завершилась монографией «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» в 1999 г. и защитой, после преодоления препятствий ненаучного

³⁸ *Рене Генон (René Guenon, 1886–1951)*, французский философ, автор трудов по метафизике, традиционализму, символизму и инициации.

³⁹ *Эвола Юлиус (Evola Giulio Cesare Andrea, 1898–1974)*, итальянский философ-эзотерик, эссеист, поэт, художник.

⁴⁰ *Хаусхофер Карл (Haushofer Karl, 1869–1946)*, генерал-майор баварской службы, проф. Мюнхенского университета (1921–1939), основоположник германской школы геополитики, президент Германской академии (1934–1937).

характера, докторской диссертации в 2004 г. на отделении политологии философского факультета МГУ.

ВГ: Если коротко, в чем суть этой концепции применительно к Японии? Ведь о «консервативной революции» обычно говорят в связи с Германией 1910-1920-х годов.

ВМ: Ключевым событием новой истории Японии является *Мэйдзи исин* (1868). Японцам хорошо – им не надо переводить слово *исин*. Но его надо объяснять иностранцам. Это «обновление», но «обновление через возвращение». На европейские языки японцы перевели его как «реставрация». Однако для европейского сознания «реставрация» – это некий политический регресс, как реставрация Бурбонов в 1814 г., а за восстановлением полноты императорской власти в результате *Мэйдзи исин* последовал мощный модернизационный рывок. Значит, «революция»? В европейское понимание революции *Мэйдзи исин* не укладывается. Англичанин Х. Байес⁴¹ предложил определение «реставрация-революция», через дефис. Это точнее, чем просто «реставрация» или просто «революция», но все равно «тяни-толкай». Советские историки придумали «незавершенную буржуазную революцию», но это чепуха и по внутренней противоречивости формулировки, и по ее неприменимости к японской ситуации. Ознакомившись с идеями германских консервативных революционеров, я понял, что нашел ключ к пониманию *Мэйдзи исин* (один остряк-самоучка назвал мою концепцию «отмычкой»). Самое непротиворечивое определение этих событий – «консервативная революция». Я дал его в 1993 г. в статье и развил в ряде книг. Одни принимают эту трактовку, другие игнорируют, но ничего лучшего никто пока не предложил.

ВГ: А после «консервативной революции»?

ВМ: С конца 1990-х я сосредоточился на изучении внешней политики Японии 1930–1940-х годов в рамках геополитической концепции «континентального блока», чему посвятил несколько монографий, включая биографии ее главных идеологов *Сиратори Тосио*⁴² (1996) и *Иоахима фон Риббентрона*⁴³ (2008; 2019). Поскольку важное место в концепции отводилось СССР, от

⁴¹ Байес Хью (*Bayes Hugh*, 1875–1945), британский журналист, много лет работавший в Японии.

⁴² *Сиратори Тосио* (白鳥敏夫; 1887–1949), японский дипломат и политический аналитик, подсудимый на Токийском процессе. Здесь и далее имена и фамилии японцев приведены в принятом в Японии порядке: сначала фамилия, потом имя.

⁴³ *Риббентрон*, Ульрих Фридрих Вилли Иоахим фон (*Ulrich Friedrich Willy Joachim von Ribbentrop*, 1893–1946), нацистский дипломат, министр иностранных дел (1938–1945), казнён по приговору Международного военного трибунала.

изучения японо-германских отношений я перешел к изучению советско-японских и отчасти советско-германских. Итогом стал цикл книг, завершившийся обобщающей монографией «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (2012).

ВГ: Чтобы было после завершения этого книжного цикла? Какими исследованиями вы занимались последующие десять лет?

ВМ: С началом 2010-х годов я стал заметно меньше писать о Японии, хотя продолжал участвовать в коллективных проектах и выпустил несколько сборников статей, общую направленность которых определяет подзаголовок одного из них «История. Идеология. Имидж». Продолжаю изучать образ Японии, не останавливаясь на достигнутом. Новым витком обращения к японской тематике стало изучение ее колониальной и континентальной политики в иностранном освещении, чем я целенаправленно занимаюсь десять лет, в том числе в продуктивном сотрудничестве с вами по истории Тайваня. Уже видны контуры будущей книги, но надо ещё немало проработать.

ВГ: Некоторые из ваших работ посвящены религиям Японии – синто и буддизму? Каково место этих тем в ваших научных интересах?

ВМ: Я не религиовед и не претендую на особые познания в этой сфере. Однако без знания и понимания синто и буддизма понять Японию просто невозможно – ни историю, ни цивилизацию, ни культуру и национальный характер. Синто – идейная основа *Мэйдзи исин* как консервативной революции, но тут профессиональный интерес всегда сочетался у меня личной склонностью.

*Слева направо: Умэда Ёсими, его жена Умэда Сэцуко, Э.В. Молодякова, М.С. Мейер.
Токио, 2004. Фото В.Э. Молодякова*

Я участвовал в работе Международного научного общества синто, когда им руководил *Умэда Ёсими*⁴⁴, замечательный человек, суть личности и деятельности которого выразило название книги российских учёных «Человек веры и человек мира» (2012), посвящённой его памяти. Общество много сделало для поощрения изучения – не пропаганды! – синто в других странах, в том числе в России, где вышли подготовленный нашими авторами двухтомник исследований и переводов «Синто – путь японских богов» (2002) и «Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто» (2010); там и моего мёда капля есть. Потом Умэда-сэнсэй умер, руководство общества и его курс полностью сменились, и я перестал участвовать в его работе.

Личной склонности к буддизму у меня нет, хотя интерес, конечно, есть. Я много лет сотрудничал с токийским храмом Сэйриндзи школы Дзёдо, настоятель которого *Намба Кодзё*⁴⁵ – энтузиаст пропаганды буддизма Чистой Земли (амидаизма) для иностранной аудитории. Горжусь, что участвовал в комментированном издании нового перевода «Сутры Сердца» на русский язык, предпринятом Сэйриндзи (2011), выпустил книжку на русском и японском языках о восприятии японского амидаизма на Западе (2019) и перевёл на русский и английский языки эссе японского историка *Танака Такэюки*⁴⁶, моего друга, о патриархе *Хонэнэ*⁴⁷ – основателе школы Дзёдо (2012).

ВГ: Мы сосредоточили разговор вокруг вашей деятельности в японоведении. Расскажите хотя бы очень коротко о других работах.

ВМ: С самого начала научной деятельности я писал и публиковал работы о Серебряном веке, включая первые биографии Валерия Брюсова и *Георгия Шенгели*⁴⁸ – моих любимых поэтов. Обижаюсь, когда читаю: «Молодяков – известный японовед и, надо же, еще и про Брюсова знает!» Почему не пишут: «Молодяков – известный брюсовед и, надо же, еще и про Японию знает!» Магия диплома? В 2010-е годы обратился к политической и литературной истории США в связи с незаурядной личностью *Джорджа Сильвестра*

⁴⁴ *Умэда Ёсими* (1933–2010), японский религиовед, общественный деятель, председатель правления Международного научного общества Синто с момента основания (1994–2010).

⁴⁵ *Намба Кодзё* (1942 г.р.), японский священник школы Дзёдо, эссеист.

⁴⁶ *Танака Такэюки* (1962 г.р.), японский историк, эссеист, общественный деятель.

⁴⁷ *Хонэн* (1133-1212), японский буддийский монах, проповедник, основатель в 1175 г. школы Дзёдо (Чистая Земля).

⁴⁸ *Шенгели Георгий Аркадьевич* (1984–1956), поэт, прозаик, переводчик, стиховед.

*Вирека*⁴⁹ (о нем могу говорить часами). Последние годы много пишу о политической и интеллектуальной истории Франции первой половины XX века, выпустил три монографии. Знал бы об этом Сырицын...

ВГ: Перечисленные работы как-то связаны с Японией?

ВМ: Я машинально отвечаю «нет», но сразу спохватываюсь. Брюсов неоднократно обращался к теме Японии. Одним из первых написал оригинальные *танка* и *хайку* на русском языке – у меня собрана целая антология таких опытов. Кто бы издал? Шенгели в мае 1955 г. записал: «Купил книгу японского дипломата *Исии*⁵⁰ – наглая и двуличная и, по-восточному, глупая» (согласиться с этой оценкой никак не могу). *Жак Бенвиль*⁵¹, главный международный аналитик французского монархического и националистического движения «*Action française*»⁵², которым я занимаюсь, неоднократно писал о Японии и Китае. А что связывает *Жорж Санд*⁵³ и японскую интервенцию на Тайване в 1874 году? Вы-то уже знаете, но читателям пока не расскажем – пусть дождутся выхода статьи!

ВГ: Как появился на горизонте Вирек, о котором вы готовы говорить часами?

ВМ: Особенно забавно получилось с Виреком – моим «человеком судьбы»... но ограничимся японской темой! Его пьесу «Настроение момента» из дебютной английской книги «Игра в любви» (1906) в 1912 г. перевел и поставил в Токио крупнейший реформатор современного японского театра *Осанаи Каору*⁵⁴, местный Станиславский, Мейерхольд и Таиров в одном лице. В 1921 г. она вышла в Токио в его переводе под одной обложкой с пьесами *Леонида Андреева*⁵⁵ и *Габриэле д'Аннунцио*⁵⁶, корифеев драматургии

⁴⁹ *Вирек Джордж Сильвестр* (*Viereck George Sylvester*, 1884–1962), американский (германского происх.) поэт, прозаик, журналист, редактор, автор книг на исторические темы.

⁵⁰ *Исии Кикудзиро* (1869–1945), японский дипломат, министр иностранных дел (1915–1916). Речь идет о русском переводе его книги «Дипломатические комментарии» (М., 1944).

⁵¹ *Жак Бенвиль* (*Jacques Bainville*, 1879–1936), французский политический аналитик, историк, писатель.

⁵² «*Action française*». Ведущее монархическое идейное и политическое движение Франции; существовало с 1899 г., организационно оформилось в 1905 г., ликвидировано в 1944 г., но продолжает существовать в форме организаций-преемников.

⁵³ *Жорж Санд* (*Georges Sand*, 1804–1876), французская писательница.

⁵⁴ *Осанаи Каору* (1881–1928), деятель японского театра, драматург, режиссер, переводчик.

⁵⁵ *Андреев Леонид Николаевич* (1871–1919), прозаик, драматург, публицист.

⁵⁶ *Д'Аннунцио Габриэле* (*D'Annunzio Gabriele*, 1863–1938), итальянский прозаик, поэт драматург, публицист, политический деятель.

европейского модернизма. Вот так везение! В годы Первой мировой войны Вирек как прогерманский пропагандист выступал против Японии, потому что Япония воевала с Германией (об этом у меня есть отдельная статья). В 1954 г., прочитав «Хиросимский дневник» Хатия Митихико⁵⁷, переведенный на множество языков, он написал сильное стихотворение «Банкрот» о том, как после атомных бомбардировок Иисус Христос приходит в суд и просит признать его банкротом. Стихотворение было переведено на японский язык и неоднократно переиздавалось. И еще символический факт. В 1913 г. Вирек написал стихотворение «Песнь против Японии» – не потому, что не любил японцев, а потому что «пиарил» калифорнийского губернатора Хирама Джонсона⁵⁸, который проводил политику против японской иммиграции. Там Вирек противопоставил «дух Иисуса Христа» «духу сорока семи ронинов»⁵⁹. Знал бы он, что окна моей токийской квартиры, где находится домашний музей Вирека, выходят на могилы сорока семи ронинов в храме Сэнгакудзи... Думаю, он это знает – смотрит *оттуда* и посмеивается.

В домашнем музее Джорджа Сильвестра Вирека. Токио. 2017. Фото О.В. Андреевой.

⁵⁷ Хатия Митихико (1903–1980), японский врач из г. Хиросима.

⁵⁸ Джонсон Хирам Уоррен (Hiram Warren Johnson, 1866–1945), американский политич. деятель, губернатор Калифорнии (1911–1917), сенатор (1917–1945).

⁵⁹ «Дух сорока семи ронинов». История о том, как в 1703 г. 47 ронинов (самураев, оставшихся без сюзерена) отомстили сановнику сёгуната Токугава за смерть своего *даймё* (князя) Асано, после чего совершили ритуальное самоубийство *сэппуку* (харакири) и были похоронены рядом с ним в храме Сэнгакудзи; в XVIII в. стала сюжетом популярной драмы «Тюсингура», после *Мэйдзи исин* вошла в идеологический канон как пример вассальной верности господину, сюжет многочисленных книг (известный роман Осараги Дзиро «Ронины из Аки» издан на русском языке в переводе А.А. Долина) и фильмов.

ВГ: К какой школе вы себя причисляете? В каких научных сообществах состоите?

ВМ: В историографии международных отношений я причисляю себя к ревизионистской школе. Это серьезное направление в европейской и американской историографии, возникшее после Первой мировой войны и противостоявшее «версальской» версии ее происхождения. В России его почти не знают, зато называют «ревизионистами» всяких фриков, чтобы не сказать хуже, соотносить себя с которыми я, конечно, не могу, ибо это за пределами науки. Я являюсь членом нескольких научных обществ России и Японии, но принимаю мало участия в их деятельности. По складу ума и характера я – одинокий кабинетный ученый.

ВГ: Какую научную тему вы считаете главной для себя лично?

ВМ: Не могу ответить однозначно. В разные периоды разные темы выходили на первый план. Сейчас мои интересы больше связаны с Францией, чем с Японией. Но это дает мне уникальную и почти не использованную в науке возможность – взглянуть на Японию и ее политику с «французского угла».

ВГ: Какую научную тему вы исследуете в настоящий момент?

ВМ: Колониальную и континентальную политику Японии в иностранном освещении. Признаюсь, что главной она для меня не является. Однако лет десять назад я – с вашим участием – втянулся в изучение истории колониального Тайваня, и это меня увлекло. Сейчас я понимаю, что Тайвань с его уникальной судьбой присутствовал в моей жизни и раньше. В начале 1980-х годов я слушал по «вражеским голосам» фрагменты романа Василия Аксенова «Остров Крым» – и понимал, что он написан по образцу Тайваня – а в перестройку прочитал весь роман. Не дай Бог, конечно, Тайваню такой судьбы... В 2005 г. опубликовал в ежегоднике «Япония» статью о колониальной политике *Гото Симпэй*⁶⁰ на Тайване, обзорную и компилятивную – сейчас бы перепечатывать ее в исходном виде не стал. Примерно в то же время выступал на международном форуме в Саппоро, почетным гостем которого был *Пэн Мин-Минь*⁶¹. Он подарил мне свои мемуары с автографом, мы с ним сфотографировались.

⁶⁰ *Гото Симпэй* 後藤新平 (1857–1929), японский государственный деятель, неоднократно министр, публицист, теоретик и практик колониальной политики глава гражданской администрации Тайваня (1898–1906).

⁶¹ *Пэн Мин-Минь* (1923 г.р.), тайваньский государственный и политический деятель.

С тайваньским политиком Пэн Мин-минем. Саппоро. 2006.

Потрясающий человек – и мемуары интереснейшие! Боюсь оказаться неpolitкорректным и ляпнуть что-то крамольное, но «почеловечески» сочувствую независимости Тайваня. К сожалению, мне не удалось встретиться с легендарным экс-президентом *Ли Дэн-Хуэем*⁶², когда он посещал университет Такусёку, но я дважды общался с *Ло Фу-Чэном*⁶³, сначала когда он официально представлял Тайвань в Токио, потом когда здесь вышли его мемуары. Так что тайваньская тема продолжается...

Только что вышла моя третья монография о борьбе французских националистов против Германии в первой половине XX века. Пока эту тему я для себя закрыл. Надо отойти в сторону, передохнуть, подумать.

О японоведческой работе

ВГ: Как складывалась ваша японоведческая карьера? В каких институтах и учреждениях вам приходилось работать?

ВМ: Не знаю, уместно ли здесь слово «карьера» ... В 1993 г. я – единственный из необычно большого в тот год выпуска японистов – поступил в очную аспирантуру ИСАА. Конкурса не было. Шутили, что нужна только справка из психдиспансера. На «родную» кафедру я по указанным причинам не пошел. Приняли пасынком на кафедру политологии Востока и то лишь после того, как заведующая

⁶² *Ли Дэн-Хуэй* (1923–2020), тайваньский государственный и политический деятель, президент республики и председатель партии Гоминьдан (1988–2000), председатель партии Тайваньский союз солидарности (2000–2020).

⁶³ *Ло Фу-Чэн* – тайваньский учёный и дипломат.

кафедрой *М.Ф. Видясова*⁶⁴ узнала, что научным руководителем будет Григорьева: Татьяну Петровну чтили! Мы придумали тему «образ Японии», потому что слово «культура» воспринималось на кафедре лишь в сочетании «политическая культура». Тему утвердили без энтузиазма, но и без особых возражений.

ВГ: Как проходила ваша работа над диссертацией?

ВМ: Идеально. На кафедре обо мне вспоминали только тогда, когда надо было оформить какие-то документы. Еще во время преддипломной практики в Институте востоковедения Григорьева велела мне освоить ее характерную роспись и не беспокоить «всякими бумажками», но для общения по науке была открыта всегда. Всегда! Я этим не злоупотреблял, но пользовался, регулярно бывая у нее. Потом принес ей готовую диссертацию, над которой работал на совесть, ибо перфекционист. Она попросила позвонить через неделю. Через три дня позвонила сама: «Приходи». Я пришел. Она сказала: «Прочитала. Работа хорошая. Кое с чем я не согласна, но это твое право. Выходим на предзащиту».

Я был в аспирантуре на чужой кафедре. Не уверен, что кто-то читал мою работу, поскольку все бубнили нечто невнятное. Вдруг Е.А. Капранова, единственный человек с профильной кафедры, зная, что я должен ехать на стажировку в Японию, придирается к мелочам и предлагает повторно обсудить диссертацию через полгода. То есть нож в спину. Прочие сонно кивают. И тут вступает Григорьева. Не помню ее слов, но не прошло и десяти минут, как работу дружно признали замечательной и рекомендовали к защите. В марте 1996 г. я защитился без единого «черного шара». Но больше в ИСАА, кажется, не бывал.

ВГ: Что было дальше в плане профессиональной карьеры?

ВМ: Заканчивая кандидатскую диссертацию, я понял, что продуктивно заниматься историей Японии – а я хотел ей заниматься – можно только в Японии. Я никогда не служил и не хотел служить ни в государственных учреждениях, ни в фирмах и «совместных предприятиях». Осенью 1994 г. я сдал экзамены и получил грант Министерства просвещения Японии, который дал мне возможность два года учиться в Токийском университете в качестве стажера-исследователя с правом поступить в магистратуру или докторантуру и с оплатой обучения там в течение фиксированного времени. В апреле 1995 г. я уехал в Японию, год спустя поступил в докторантуру Токийского университета, в 2002 г. защитил диссертацию и получил степень Ph.D.

⁶⁴ *Видясова Мария Федоровна* (1945–2020), историк-арабист, с 1971 г. в ИСАА, д.и.н. (1987), проф. (1990), зам. директора по научной работе (1989–1998), зав. кафедрой политологии Востока (1991–2015).

*С Э.В. Молодяковой (слева) и проф. Г.Б. Навлицкой (справа)
перед Большим Буддой в Камакуре. Июнь 1995.*

В 2004 г. защитил докторскую диссертацию в МГУ, тоже без единого «черного шара».

После защиты докторской диссертации. Выступает проф. В.И. Коваленко. МГУ. Март 2004.

После нескольких лет «на вольных хлебах» (такой опыт в то время был у многих) я с 2004 г. – старший научный сотрудник, затем приглашенный профессор и с 2012 г. профессор Международного института японской культуры университета Такусёку в Токио. С 2010 г. я также являюсь ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН.

ВГ: Просим поделиться вашим опытом ведения исследований и процесса их организации, включая выбор темы, постановку проблем, поиск материалов, методология и методика и т.д.

ВМ: Не думаю, что в моем опыте есть что-то специфическое. Тему выбираю сообразно своим интересам и знаниям. На протяжении всей своей научной жизни я изучал то, что было интересно мне самому, а не то, что мне предписывали или заказывали. Учёным старшего поколения в советское время в этом смысле было гораздо тяжелее. Выбираю сюжеты, не исследованные в российской или японской историографии – в зависимости от языка, на котором публикую результаты. Будучи экспериментатором, а не теоретиком, стремлюсь ввести в научный оборот новые факты, документы и материалы, включая опубликованные, но неизученные, помещаю их в контекст эпохи и смотрю, что получается. Заданного результата никогда нет. Первичный поиск информации, конечно, идет через интернет. Далее, я однозначно предпочитаю «бумажные носители»: желательны оригиналы, но в крайнем случае репринты – поэтому много денег уходит на покупку книг. Хорошо, что университет выделяет на это деньги, потому что на протяжении большей части жизни я тратил личные средства. Молодые, да и многие немолодые, исследователи этого не понимают: если нет в «сети» и нельзя «скачать», значит, нет вовсе... а деньги лучше потратить на что-то другое. Первый этап: с максимально возможной полнотой очертить круг источников и литературы, оценить их доступность и собрать. Второй: изучить и проанализировать, затем сопоставить с другими в контексте эпохи. Третий: выделить главное, на чём будет сделан акцент в работе. Ну а в методологии главное – «не врать», как говорил *А.М. Некрич*⁶⁵, потому что от добросовестных ошибок не застрахован никто. Затем всегда и везде основываться на источниках, разумеется, подвергая их необходимой критике, а не на позднейших интерпретациях, какие бы нотабли их не предлагали. Не игнорировать предшественников, но и не следовать слепо за авторитетами. Избегать влияния любой идеологии и диктуемых ей

⁶⁵ *Некрич Александр Моисеевич* (1920–1993), историк, д.и.н. (1963), сотрудник Института истории АН СССР (1950–1968), Института всеобщей истории АН СССР (1968–1976), с 1976 в эмиграции. Автор мемуаров «Отрешись от страха» (1979).

схем и шаблонов. Про недопустимость плагиата я уже не говорю. Наконец, чётко, логично, лаконично и понятно выразить свою мысль. Я категорический противник псевдоакадемического «волапюка» из корявых англицизмов. Простите эти банальности!

ВГ: Каково влияние на вас западной мысли и науки, западного японоведения?

ВМ: Я не верю, что историческое развитие идет в соответствии с какими-то теориями, а «теории международных отношений» и вовсе считаю либо игрой ума, либо пропагандой. Мой взгляд на международные отношения определили геополитика и ревизионистская историография. Я говорил, что схема А.Г. Дугина «атлантизм / евразийство», которую в России не принято воспринимать всерьёз, хорошо работает применительно к новой истории Японии, конечно, если применять её творчески. Предложенная мной трактовка *Мэйдзи исин* как консервативной революции остаётся в российской историографии наиболее точной. Концептуальное влияние западного японоведения я не испытал, но многим обязан европейским и американским работам по частным проблемам, которые часто превосходят японские по оригинальности подхода и глубине анализа.

О работе в Японии

ВГ: Поделитесь воспоминаниями о встречах с японскими учёными и видными деятелями Японии!

ВМ: Имел честь видеть двух императоров с супругами! Нынешнего почётного императора *Акихито*⁶⁶ и императрицу *Митико*⁶⁷ впервые видел на торжественном заседании по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, 18 декабря 1995 г. в Токио, в Национальном театре – храню приглашение на это историческое мероприятие. Именно тогда премьер *Мураяма Томиити*⁶⁸ в речи принёс странам Азии окончательные официальные извинения за всё, что им причинила Япония в годы войны. Потом уже в статусе почётных Их Величества были... нашими соседями в районе Таканава, где находится одна из резиденций императорского дома. Проживавшая там августейшая чета регулярно выезжала в город в одно и то же время и в одно и то же время возвращалась. Их, конечно, охраняли, но без излишеств.

⁶⁶ *Акихито* (1933 г.р.), император Японии (1989–2019), почётный император (с 2019).

⁶⁷ *Митико* (1934 г.р.), императрица Японии (1989–2019), почётная императрица (с 2019).

⁶⁸ *Мураяма Томиити* (1924 г.р.), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (1994–1996).

У памятной стелы на месте покушения на цесаревича Николая (1891 г.) в городе Оцу.
Лето 2010.

К этому времени собирались люди, чтобы их приветствовать. Они часто ездили в машине с открытыми окнами, но в масках из-за ковида, и махали рукой тем, кто их приветствовал. Один раз, стоя у перехода через улицу, я видел Его Величество буквально в метре от себя. Если он и не живой бог, то человек с потрясающей позитивной энергетикой! Нынешнего императора *Нарухито*⁶⁹ и императрицу *Масако*⁷⁰ видел один раз ещё в статусе наследных принца и принцессы. Это было в мае 1995 г. (дату не помню) на торжественном открытии Дома иностранных студентов Комаба, где я тогда жил. Их присутствие на церемонии подчеркнуло статус нашего... язык не поворачивается назвать это «общезитием» ... и значение, которое придавалось международным образовательным контактам.

Из действующих премьер-министров видел только *Мураяма*, знаменитого своими бровями, как у Брежнева, – на заседании, о котором говорил. Украшением поездки, организованной муновцами, была аудиенция у экс-премьера *Накасонэ Ясучиро*⁷¹. В его внешности и манерах сразу чувствовалась сильная и значительная личность. Я задал ему какой-то вопрос и сфотографировался с ним в

⁶⁹ *Нарухито* (1960 г.р.), император Японии (с 2019).

⁷⁰ *Масако* (1963 г.р.), императрица Японии (с 2019).

⁷¹ *Накасонэ Ясучиро* (1918–2019), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (1982–1987).

группе. То же самое скажу об *Абэ Синдзо*⁷² – я дважды слушал его выступления, когда он после своего первого премьерства был просто депутатом от оппозиции. Абэ был хорошим оратором, что в Японии встречается нечасто. Другие экс-премьеры *Кайфу Тосики*⁷³, *Фукуда Ясуо*⁷⁴, *Хатояма Юкио*⁷⁵, которых доводилось видеть на разных приёмах, производили впечатление абсолютно заурядных людей. Да они такими и были...

Из видных японских учёных, с кем довелось общаться более-менее близко, назову историка-русиста *Вада Харуки*⁷⁶ и филолога-русиста *Накамура Ёсикадзу*⁷⁷. Вада, мой первый научный руководитель в Токийском университете, будучи крайне левым в политическом отношении, посмеивался над моими правыми взглядами. Не могу сказать, чему конкретно я у них научился, но приятно общаться с умными людьми, обладающими широким кругозором.

Заседание японского Общества исследователей истории России. В центре В.Э. Молодяков и проф. В.И. Старцев (Санкт-Петербург). Крайний справа проф. Х. Вада. Токио. Осень 1997.

⁷² *Абэ Синдзо* (1954–2022), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (2006–2007, 2012–2020).

⁷³ *Кайфу Тосики* (1931–2022), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (1989–1991).

⁷⁴ *Фукуда Ясуо* (1936 г.р.), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (2007–2008).

⁷⁵ *Хатояма Юкио* (1947 г.р.), японский политический и государственный деятель, премьер-министр (2009–2010).

⁷⁶ *Вада Харуки* (р. 1938), японский историк, почетный проф. Токийского ун-та.

⁷⁷ *Накамура Ёсикадзу* (1932 г.р.), японский историк литературы и фольклора, переводчик, иностранный член РАН (1999).

*Тобэ Рёити*⁷⁸, который опубликовал первые дельные статьи о Сиратори Тосио – герое моей диссертации – очень помог мне в начале работы. О Сиратори параллельно с японской диссертацией я написал большую книгу по-русски, перевёл и издал в России сборник его политических комментариев. Это не просто ценный исторический источник, но и увлекательное чтение.

Особо хочу отметить двух людей. Первый – *Миякэ Масаки*⁷⁹, историк, специалист в области геополитики, японо-германских и японо-советских отношений. Его труды были моими настольными книгами. Миякэ-сэнсэй – редкий в Японии пример учёного, который не только знает (таких много), но понимает, обладает широким кругозором, видит картину мира в целом и умеет анализировать её. Думаю, без влияния германской науки, включая школу Хаусхофера, здесь не обошлось.

Второй – *Ватанабэ Тосио*⁸⁰, бывший ректор и президент, ныне советник и почётный профессор университета Такусёку. Один из самых умных и разносторонних людей, которых я встречал в жизни, при этом очень простой в общении и обаятельный.

С Э.В. Молодяковой и президентом университета Такусёку Т. Ватанабэ на симпозиуме в Токио. Октябрь 2012.

⁷⁸ *Тобэ Рёити* (1948 г.р.), японский историк.

⁷⁹ *Миякэ Масаки* (1934 г.р.), японский историк, почетный проф. ун-та Мэйдзи.

⁸⁰ *Ватанабэ Тосио* (1939 г.р.), японский экономист, историк, культуролог, публицист, ректор (2005–2013) и президент (2011–2015) ун-та Такусёку.

Не могу судить о его трудах по макроэкономике (ничего в ней не понимаю), но в области политики, включая модернизацию и колониальную политику, это ярчайший пример человека, который *понимает* (надо выделить это слово). Ещё он написал ряд книг о японских поэтах нового времени. В этом я тоже не разбираюсь, но мой старший друг *А.А. Долин*⁸¹, лучший отечественный специалист по новой японской поэзии и крупнейший её переводчик, высоко оценил работы Ватанабэ-сэнсэя именно в профессиональном отношении.

Много с кем из коллег доводилось общаться за эти годы, но личной дружбы, пожалуй, не сложилось ни с кем.

ВГ: Выбор темы диссертации – ответственнейший момент для каждого учёного. Как я понял, темы обеих российских диссертаций вы предложили сами, и они были одобрены. А как обстояло дело в Японии.

ВМ: Когда я ехал на стажировку, то заявил тему «континентального блока». Она прошла, с ней меня приняли в докторантуру. Но потом мой научный руководитель Вада Харуки сказал, что для японской диссертации на соискание степени Ph.D. тема слишком широка и её надо сузить – до одного конкретного события или персонажа. Меня интересовала не столько дипломатия сама по себе, переговоры и договоры, но геополитические идеи и их носители. Я выделял *Окава Сюмэй*⁸² и Сиратори Тосио. Окава – яркая и интересная фигура, философ, идеолог, политик, бунтарь, авантюрист. В Японии он хорошо известен, о нём много написано, а вот за её пределами до сих пор нет достойных работ. Кроме моей книги о консервативной революции – уж извините! Сиратори известен как дипломат, хотя выше посла и советника МИД по карьерной лестнице не поднялся. Ещё он интересный политический автор. О нём в Японии было всего несколько статей, а за границей вовсе ничего. Мне предстояло писать японскую диссертацию, поэтому я выбрал Сиратори. И втянулся.

В 1998 г. Вада ушёл на пенсию (в Японии это обязательно в определённом возрасте), и моим научным руководителем оказался

⁸¹ *Долин Александр Аркадьевич* (1949 г.р.), историк японской литературы и боевых искусств, переводчик, культуролог, эссеист, поэт, в 1971–1992 в ИВ РАН, к.ф.н. (1975), проф. Токийского ун-та иностранных языков (1992–2004), Международного ун-та Акита (2004–2018), Школы востоковедения НИУ ВШЭ (с 2018).

⁸² *Окава Сюмэй* (1886–1957), японский философ, историк, публицист, политический деятель, подсудимый на Токийском процессе.

доцент *Сакаи Тэцуя*⁸³, вскоре ставший профессором. Я был его первым докторантом, во всяком случае, точно первым иностранцем, а сам он не имел степени Ph.D., только М.А. В Японии можно стать профессором по должности (звания «профессор» здесь нет) вообще без учёной степени. Когда я начал излагать ему свои идеи, он сразу сказал: «Оригинальных идей не надо. Надо проработать источники и показать знание материала». Я так и сел: в России от диссертации требуют прежде всего какой никакой, но оригинальности, а тут... Урок я усвоил сразу: кто в армии служил (я-то служил), тот в цирке не смеётся. Относился Сакаи ко мне равнодушно, но без антипатии, по науке не помогал, административные обязанности выполнял чётко. По ряду причин я не смог подать диссертацию в условленный срок. Стипендия кончилась, пришлось искать другую, зарабатывать на жизнь. Слава богам, всё сложилось успешно. В 2002 г. я защитился и получил степень. Но 80-летию Вада в 2018 г. я выступил с тёплым и искренним приветствием, но от участия в 60-летию Сакаи в том же году уклонился под благовидным предлогом, попросив передать ему поздравления.

ВГ: Будучи иностранцем, работающим в Японии, насколько вы влились в японскую академическую среду?

ВМ: В очень малой степени. Я являюсь членом нескольких научных обществ (так принято), плачу взносы, иногда выступаю с докладами, но печатаюсь в основном в изданиях своего университета и издательства интеллектуальной литературы «Фудзивара сётэн», которое выпустило две мои книги на японском языке. Общение с японскими коллегами мне, как правило, малоинтересно. Они не обогащают меня новым знанием, которое я не мог бы найти сам, и не блещут широтой кругозора. Зато ценю общение с некоторыми русскими коллегами, работающими в Японии, особенно с теми, кто моложе меня. Реакция и поведение сверстников и старших обычно предсказуемы, а вот у молодых, сформировавшихся в иных исторических условиях, есть чему поучиться.

ВГ: Я слышал, что многие российские учёные, работающие в Японии, активно общаются и сотрудничают с японскими русистами. А вы?

ВМ: Я скорее нет. Это специфическая публика. После «холодной войны» русистика в Японии стала маргинальной дисциплиной, о чём я писал. Непривлекательной в карьерном плане: почти нет молодых, нет смены поколений, многие переключились на Восточную Европу или на Центральную Азию, японская русистика постепенно угасает. Приведу два сравнительно недавних эпизода.

⁸³ *Сакаи Тэцуя* (1958 г.р.), японский историк, проф. Токийского ун-та.

Ежегодное собрание местного Общества исследователей российской истории. Впервые за много лет я в нём участвовал и выступил с докладом. Вечером банкет. Множество знакомых лиц – те же самые, что и четверть века назад. Наши сэнсэи постарели, но почти все живы и до сих пор активны. Мои бывшие соученики уже профессора, но тоже не сильно изменились. И мы по-прежнему самые молодые. Следующих поколений нет. Отдельные лица есть, а поколений нет! Незадолго до пандемии был приём, связанный с фестивалем русской культуры в Японии (я получаю приглашения на него от японской стороны). У входа в зал встречаю своего друга, профессора *Петра Подалко*⁸⁴, который на несколько лет старше меня. Заходим в зал, видим двух знакомых почтенных сэнсэев, одному под 80, другому хорошо за 80, но оба бодры и полны сил. Заметив нас, они начинают показывать на нас пальцами и хохотать. Мы подошли поближе, а они, давась от смеха, говорят: «О, молодые пришли!». Почти вся публика в зале – их возраста, те, кто в юности полюбил Россию по песням «Катюша» и «Подмосковные вечера». И это всё, ну, или почти всё.

Ещё одно важное обстоятельство. Русских, работающих в местных университетах, даже при наличии у них учёных степеней, японцы воспринимают лишь как носителей языка (я никогда не преподавал русский язык, кроме как во время студенческой стажировки, ради приработка), в лучшем случае как источник элементарных знаний: «чем матрёшка отличается от перестройки, а Горбачёв от балалайки» (определение моё). Плюс столкновение личных амбиций, тем более в замкнутой и не развивающейся среде. Плюс взаимное игнорирование историков и филологов, характерное для японского научного сообщества: это два непересекающихся множества с отдельными научными обществами. Историки-русисты иногда упоминают меня в своих трудах. Филологи, изучающие Серебряный век, должны знать хотя бы мою фамилию... но уже более четверти века делают вид, что не знают. Сами понимаете, в общении с ними я большого смысла не вижу.

ВГ: Расскажите о вашей преподавательской работе. Какие курсы вы читаете в университете Такусёку?

ВМ: Педагогическая нагрузка у меня небольшая, так как основной работой считается исследовательская. Студентам бакалавриата читаю общий курс «Введение в русскую цивилизацию» на японском языке в рамках «регионоведения». Магистрантам – курсы «Япония в мировой культуре» на японском языке и «Введение в японскую

⁸⁴ *Подалко Пётр Эдуардович* (1964 г.р.). Японист, PhD (Осакский ун-т, 2001), профессор Ун-та Аояма Гакуин (Токио). Окончил гумфак НГУ (1987). Исследователь истории русской эмиграции и диаспоры в Японии.

цивилизацию» на английском языке. Последний курс предназначен иностранным студентам, ещё недостаточно освоившим японский язык. Так сказать, «курс молодого бойца».

ВГ: Вы сами были стажёром-исследователем, потом учились в докторантуре? Каковы были ваши впечатления? Пригодился ли этот опыт в преподавательской деятельности?

ВМ: Я приехал в Японию, отучившись два года в очной аспирантуре ИСАА и почти закончив диссертацию. Попав на общие семинары для магистрантов и докторантов Токийского университета – так сказать, флагмана японского образования, – я почувствовал себя на первом курсе ИСАА, если не в старших классах школы. Профессор выбирает какую-то научную статью (не источник!) на японском языке (не на иностранном!), один магистрант её читает и излагает о прочитанное, остальные по обязанности задают ему вопросы или что-то говорят от себя, в заключение профессор тоже что-то говорит. Как языковая практика мне это было полезно, в научном отношении – нет. Зато университетская библиотека поглотила меня с головой. Чего я только там не прочитал!

Нечто похожее на серьёзное обучение начинается в Японии с магистратуры. Четыре года бакалавриата – не место для получения знаний, а передышка между «адам в школе» и «адам на работе»: это сами японцы так их называют. Студентам надо набрать энное количество курсов в своем кампусе, подогнав расписание поудобнее, и получить «зачёт»; только некоторым нужен высокий балл (у нас стобалльная система; 60 – минимум для «зачёта»). Спрашивать с японского студента знания неприлично. Поэтому по моему курсу нет экзамена. Сдал реферат в срок – получи минимум 60 баллов. Дальше начинается детальная оценка по соответствию реферата заявленным критериям плюс результаты тестов в течение семестра. Всегда есть те, кому я ставлю более 90 баллов. Но 100 никогда. Я бы и себе столько не поставил. Другое дело магистратура. Там я требую от студентов оригинальных работ, причём это может быть и научная мини-статья, и эссе. Главное – учу их мыслить самостоятельно и выражать свои мысли, а за плагиат нещадно преследую.

ВГ: То есть образовательный уровень у японских студентов ниже, чем у российских?

ВМ: Не могу судить о современных российских студентах в целом, но от тех, которые приходят на мои лекции в Москве и Петербурге или пишут мне в соцсетях, слышу очень профессиональные вопросы и суждения. Четверть века назад, когда я учился в докторантуре, разница была очевидной. Есть ещё психологическая дистанция. Сам я лет до 45 ощущал своими ровесниками по психологическому возрасту тех японцев, кто был лет на 10 старше, а ровесников по

паспортному возрасту – мальчишками. Видимо, дело в том, что у японцев жизненный цикл длиннее, чем у русских. Они позже стареют, но и позже взрослеют.

ВГ: Вы любите преподавательскую работу?

ВМ: Непростой вопрос! Я люблю читать лекции, но когда есть резонанс, реакция аудитории, вопросы, диалог. С японскими студентами этого нет. При чтении лекций на потоке прямого контакта нет вообще, крайне редко кто-то подходит после занятий. С магистрантами – дело другое, группы небольшие, но и тут вопросы приходится вытягивать клещами. Иностранцы в этом отношении более активны, чем японцы.

ВГ: Вы ведёте семинары, руководите дипломниками?

ВМ: Не веду, не руковожу – это не входит в мои обязанности. Сказать по правде, не стремлюсь.

ВГ: Есть ли у вас свои ученики? История ваших отношений с учениками?

ВМ: Как мои учителя Григорьева и Долгополов, я не люблю «возиться» и «натаскивать». Поэтому у меня нет учеников. Охотно общаюсь с младшими коллегами, если чувствую у них вкус и интерес к исследовательской работе. Общаюсь без скидок на возраст, без позы ментора. Никого снисходительно не глажу по головке. И хвалю, и критикую как коллег. Кажется, они меня понимают.

ВГ: Как разрабатывается программа вашей научной и преподавательской работы?

ВМ: Программу научной работы я определяю сам, а далее она идёт на рассмотрение вышестоящих инстанций. То же и с программой преподавательской работы, только там заранее заданы названия курсов, которые я читаю, – в соответствии с общеуниверситетскими и факультетскими программами.

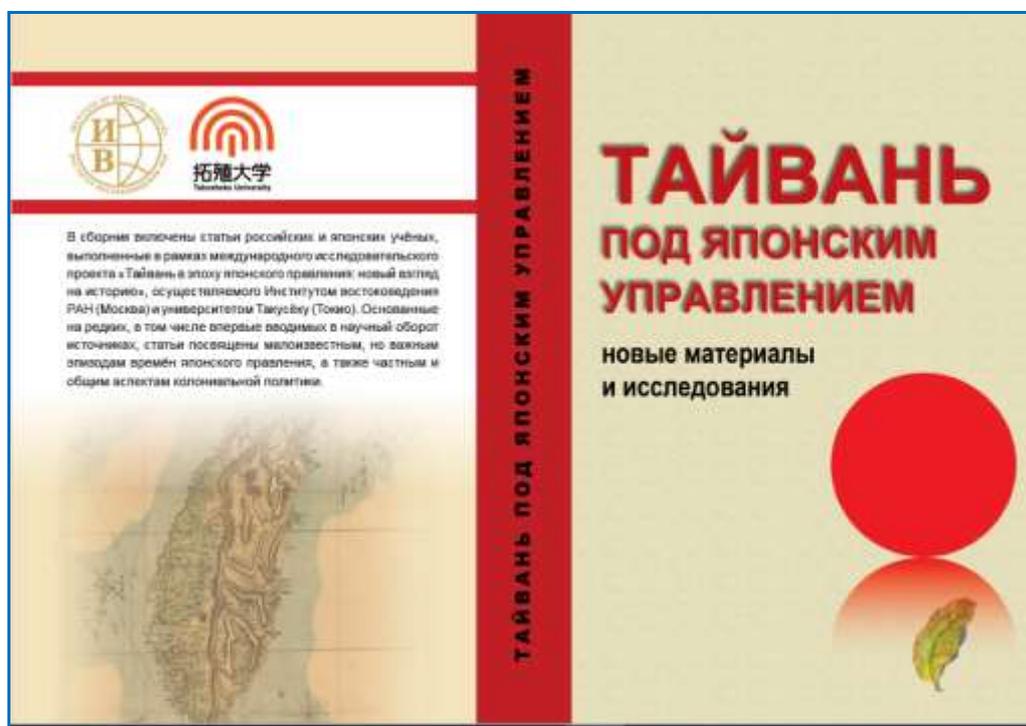
ВГ: Каковы источники финансирования вашей исследовательской деятельности?

ВМ: В дополнение к зарплате это фиксированная ежегодная сумма, выделяемая через университет министерством науки и образования Японии, за которую я детально отчитываюсь. На эти деньги я покупаю книги, оргтехнику, плачу взносы в научные общества, частично оплачиваю расходы на командировку. Всё. Остальное – за свои кровные.

ВГ: Как и где обычно публикуются ваши японоведческие исследования?

ВМ: В профильных академических изданиях и издательствах, хотя ранее я имел возможность публиковать научные монографии в коммерческих издательствах и писал научно-популярные книги. Если говорить о японоведческих работах, сейчас в России это

ежегодник «Япония», в котором я печатаюсь добрых тридцать лет, пропустив, кажется, всего два или три выпуска, «Вестник ИВ РАН», «Уральское востоковедение»; в Японии это журналы университета Такусёку, редко – какие-то сборники.

ВГ: Ваши многочисленные научные книги и статьи, публикуемые в Японии уже около четверти века, являются объективным историографическим фактом. Но как они вписываются в японскую историографию? Есть ли основания причислять их к ней вообще?

ВМ: Формально, конечно, да – и честные японские ученые обязаны фиксировать и учитывать их наличие. Не знаю, много ли читают, но цитируют редко. Я не связан с местными школами, на меня никак не повлияла японская историографическая традиция. Мои работы на японском языке не являются переводом написанного по-русски, но первичны всё-таки русские работы. В России меня иногда называют «русским и японским историком». Это неверно. Я – русский историк, живущий и работающий в Японии!

ВГ: Ваше участие в различных научных мероприятиях (выступления с докладами, присутствие, участие и т. д.) – насколько оно активно?

ВМ: Помимо «плановых» выступлений в университете, на больших коллективных мероприятиях в Токио я выступаю редко. Когда зовут прочитать лекцию, охотно откликаюсь, но это случается всё реже. Например, о России японцы предпочитают спрашивать японцев же, которые считаются специалистами, или русских, которые только что приехали из России, а не меня. Говорят: «Вы столько лет не живёте

в России, что вы можете про неё знать!» И от россиян в соцсетях я порой такое слышу. Как будто ещё никто не принёс им благую весть о существовании интернета. И об умении анализировать материал. Бывая в Москве (сейчас это получается реже, чем хотелось бы), по востоковедной тематике я непременно выступаю на организованном вами в ИВ РАН семинаре по Тайваню, в Институте иностранных языков МГПУ, – везде, куда приглашают и где хотят меня послушать. На японоведческие мероприятия, правда, почти не зовут.

Семинар по истории Тайваня закончился, дискуссия продолжается. Институт востоковедения РАН. Ноябрь 2013. Слева направо: Ю.В. Чудодеев, В.И. Трифонов, В.Э. Молодяков, А.Д. Дикарев, А.Л. Верченко, Э.В. Молодякова. Фото О.В. Андреевой.

Семинар «Тайвань под японским правлением (1895–1945): новые исследования». ИВ РАН, 7 октября 2016.

Я люблю рассказывать о том, что узнал и изучил, но по опыту знаю, что монолог невозможно внимательно слушать больше 40 минут. Выступая в России в университетах или с публичными лекциями, разбиваю «пару» пополам: половина – монолог, половина дискуссия, ответы на вопросы, которые могут быть односложными, а могут превратиться в мини-лекцию минут на 10. К сожалению, в Японии это невозможно.

ВГ: Почему?

ВМ: У японских студентов не принято задавать вопросы. Как объясняют сами японцы, это от природной скромности (которой они так гордятся!), от нежелания показать своё незнание чего-либо, от боязни поставить преподавателя в неловкое положение. Я не очень этому верю. По-моему, это от отсутствия интереса. Не к моему предмету конкретно, а к обучению вообще. Я хороший лектор, но плохой педагог. Я читаю лекцию, как актёр играет спектакль. После двух пар даже с двухчасовым перерывом между ними я, как выжатый лимон. С нагрузкой в российском вузе я бы не справился... Научные мероприятия в Японии – лично для меня образец скуки. Если это лекция на 90 минут, то лектор 80 минут читает по бумаге. Часто текст заранее роздан всем присутствующим, так что, когда он переворачивает страницу, шелестит весь зал. 10 минут на вопросы. Сначала все раскачиваются, потом ведущий говорит, что времени больше нет и надо освободить зал. На симпозиумах примерно то же самое, только регламент меньше, а комментарий ведущего сводится к тому, что он повторяет основные положения только что сказанного. Так в Японии принято, я не критикую, просто стараюсь не бывать на таких мероприятиях без особой надобности.

*С В.Ц. Головачёвым всегда есть о чём поговорить!
Институт востоковедения РАН. Октябрь 2014. Фото О.В. Андреевой.*

Другое дело в России, где бывало так: доклад рассылается заранее, 10 минут на его краткое изложение, 20 минут на вопросы и дискуссию. Вот это жизнь!

О японоведении и японоведах

ВГ: Какое общее влияние оказывали на развитие японоведения различные эпохи новой и новейшей истории? Общественный интерес, темы, методы, задачи и т. д.?

ВМ: Главное влияние оказывала роль Японии в мире. Научное японоведение началось лишь с так называемого «открытия Японии» европейцами и американцами в 1850–1860-е годы. Долгое время она оставалась «страной гейш и самураев», поэтому буддизм и гравюру изучали больше, чем экономику.

Традиционная культура и современность. С майко – ученицей гейши. Киото. 2010.

После японо-китайской войны 1894–1895 гг. иностранцы спохватились, что проглядели появление современной, сильной и

активной державы. После русско-японской войны 1904–1905 гг. оказалось, что «не-белые» могут громить «белых». Это вызвало резонанс в азиатских колониях, особенно в Индии, хозяева которой, англичане, поддерживали Японию против России и теперь забеспокоились. Началось изучение экономического и военного потенциала Японии, её политической системы. Японцы принялись пропагандировать свою модернизацию для иностранной аудитории, и их многочисленные публикации до сих пор остаются ценным историческим источником, хотя и требующим – как любой источник – критического подхода. Постепенно японоведение стало системным, стремясь охватить все стороны жизни страны, от фольклора до системы образования. Новый всплеск интереса, в том числе научного, был вызван японской экспансией в Азии в 1930-е годы, затем «японским экономическим чудом» в 1960–1970-е годы, когда в Европе и США наперебой заговорили о «секретах японского менеджмента». В российском японоведении вздох облегчения пронёсся в начале 1990-х годов, когда стало возможным писать не только про базис и надстройку, трудовые отношения и классовую борьбу. Как расцвело изучение традиционного цикла, которое всегда существовало, но на втором плане! С наступлением нового века в зарубежном научном мире интерес к Японии упал, её уверенно вытесняет Китай, а в текущих исследованиях всё большее место занимают новомодные штучки вроде «гендерных девиаций». России это вроде пока не грозит – надо ещё очень много сделать по более серьёзной тематике.

ВГ: Ваш взгляд на российское японоведение в целом? Влияние идеологии на науку?

ВМ: Первый вопрос настолько обширен, что на него невозможно ответить коротко. Постараюсь раскрыть тему, если вы будете задавать наводящие вопросы. Влияние идеологии на науку считаю однозначно отрицательным, вне зависимости от того, какая это идеология. И ещё «политкорректность» – бич наших дней.

ВГ: Каковы особенности и специфика российского японоведения?

ВМ: Дореволюционное японоведение определялось личными интересами и личным энтузиазмом немногочисленных учёных и не имело системного характера. Советское японоведение имело системный характер, в котором государственный заказ сочетался с жёстким государственным контролем, как идеологическим, так и административным. Плюс чудовищные репрессии в годы Большого террора. Пост-советское японоведение лишилось не только государственного контроля, но государственного заказа и государственного финансирования, во многом став делом личного энтузиазма. Стало ясно, что японоведение – это японоведы, это

люди, которых надо беречь. Увы, это до сих пор ясно далеко не всем, прежде всего из тех, кому надлежит принимать соответствующие решения. Системный характер тоже пострадал, но полностью не был утрачен.

ВГ: Как повлияла на российское (советское) японоведение история двусторонних отношений с Японией?

ВМ: На протяжении всего советского времени влияние оставалось определяющим, ибо японоведение было государственным делом и находилось под жёстким контролем. Приливы и отливы в двусторонних отношениях неизбежно сказывались на японоведении, но на него до самого конца был государственный заказ. В 1990-е годы государству стало не до японоведения, да и вообще не до науки, и японоведы разбрелись кто куда. Как пел *Александр Градский*⁸⁵, «мы спасёмся сами». Сейчас ситуация отчасти выправилась, стала более стабильной, но госзаказа на профессиональное системное изучение Японии я не вижу до сих пор. С высоких трибун и в СМИ о Японии обычно вещают журналисты, пропагандисты и чиновники.

ВГ: Как повлияла «холодная война»?

ВМ: Парадокс, но не только отрицательно. На профессиональное японоведение был спрос, государственный и общественный, а сейчас его нет. Точно такая же ситуация и с японской русистикой.

ВГ: В чём отличие российского японоведения от зарубежного?

ВМ: В исторических и политических условиях его существования. В советское время были государственный заказ, государственный контроль и государственное финансирование. В Западной Европе и США исследования по актуальной тематике заказываются и финансируются государством через think-tank или частными корпорациями в своих интересах. Академическое, университетское японоведение живёт независимой от государства жизнью, так как финансируется самими университетами или фондами, в основном частными. Поэтому у них работ по не «актуальной» тематике (история, литература, искусство, религия, перевод памятников) намного больше, чем было в СССР. После распада СССР государство из японоведения ушло и пока не вернулось, частные фонды только начали приходить (особо отмечу *Международный фонд Шодиева*⁸⁶), заказ со стороны парастагосударственных структур и корпораций невелик, зато свобода в выборе тематики полная, если не нарушает УК РФ.

⁸⁵ *Градский Александр Борисович* (1947–2021), поэт, композитор, исполнитель.

⁸⁶ *Международный фонд Шодиева* – международная некоммерческая благотворительная организация, основанная в 1996 г. бизнесменом Ф.К. Шодиевым.

ВГ: С кем из известных японоведов вам приходилось вместе работать? Что вас объединяло?

ВМ: Как сын своей мамы я знал большинство японоведов старшего поколения с детских лет, и некоторые до сих пор называют меня «Васей», хотя мне идет шестой десяток. Я живой хранитель многих преданий, но едва ли уместно рассказывать с чужих слов. Знаю и многих из младших поколений. Особые отношения связывают меня с *С.Б. Маркарьян*⁸⁷, самой давней и близкой подругой и соавтором мамы. Она знает меня буквально с момента рождения и остается для меня «тетей Седой».

Ещё должен вспомнить добрым словом покойных *Б.Н. Славинского*⁸⁸, *В.Б. Рамзеса*⁸⁹ и *Я.А. Певзнера*⁹⁰.

С Борисом Николаевичем Славинским я общался все девяностые годы. Мы познакомились в журнале «Проблемы Дальнего Востока», где в 1989 г. была опубликована моя первая научная статья и где я часто печатался в первой половине 1990-х. Как аналитик он был не очень силен, но отличался фантастическим трудолюбием, искренним личным интересом к тому, что изучал, отвергал идеологический диктат и беспощадно критиковал советских «ортодоксов». В своих книгах он впервые ввел в научный оборот колоссальный объем документов МИД СССР по советско-японским отношениям из Архива внешней политики РФ, причём многие из них почему-то не вошли в мидовскую серию «Документы внешней политики». Когда я занимался этой тематикой, его книги были у меня настольными. Можно подумать, что в годы «торжества демократии» Славинский был востребован. Ничего подобного! «Демократической России» было плевать на науку. Зато советские начальники от науки вроде *И.А. Латышева*⁹¹, лишившись постов и рычагов власти, продолжали активно печататься и выступать, порой с весьма погромными речами – у нас же свобода слова! Среди его

⁸⁷ *Маркарьян (Маркарьянц) Седа Багдасаровна* (1928 г.р.), экономист, культуролог, д.э.н. (1989), ведущий научный сотрудник-консультант ИВ РАН.

⁸⁸ *Славинский Борис Николаевич* (1935–2003), инженер, к.т.н. (1966), историк, с 1982 г. работал в издательстве «Наука», зам. главного ред. журнала «Проблемы Дальнего Востока» (с 1988).

⁸⁹ *Рамзес Вадим Борисович* (1933–2008), экономист, с 1958 г. в ИМЭМО, д.э.н. (1977), главный редактор журнала «Знакомьтесь – Япония» (1993–2008).

⁹⁰ *Певзнер Яков Александрович (Хацкелевич)* (1914–2003), экономист, политолог, работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики (1945–1947), Институте экономики (1947–1956), ИМЭМО (с 1956), д.э.н. (1961), лауреат Государственной премии СССР (1977). Это отчество

⁹¹ *Латышев Игорь Александрович* (1925–2006), историк, политолог, журналист, корр. «Правды» в Токио (1957–1962, 1973–1978, 1986–1991), с 1952 г. в ИВ РАН, д.и.н. (1967), проф. (1981), зав. отделом Японии (1966–1973, 1979–1986).

любимых мишеней были Славинский и я, «старый да малый», как нас называли. В политике мы придерживались разных взглядов, но в науке сходились почти во всём. Сейчас Славинского стали забывать, а это несправедливо.

ВГ: За что вас со Славинским ругали?

ВМ: Его за «советскую оккупацию Южных Курил», была у него такая книга. Он отвечал: «Я же не виноват, что эта операция Тихоокеанского флота в августе-сентябре 1945 г. официально называлась именно так». Меня за «попытки реабилитации японских военных преступников» (дословно, на всю жизнь запомнил) – за книжку «Подсудимые и победители» (1996) с критикой Токийского процесса, изданную за свой счёт. «Не скрывает Молодяков и целей публикации своей книжонки – понравиться своим новым хозяевам в Японии». Цитирую Латышева по памяти, но за точность ручаюсь. Сразу узнается рука старого «правдиста»!

ВГ: А другие, кого вы называли?

ВМ: Обаятельный и остроумный Вадим Борисович Рамзес, старинный приятель моей мамы, был крупным учёным-экономистом, но в девяностые годы развернулся в новом качестве – как руководитель коллективных проектов, куда всегда приглашал меня, и как главный редактор журнала «Знакомьтесь – Япония», где охотно печатал мои статьи, в том числе весьма еретические. Как и Славинский он был «демократом», но не осуждал мои откровенно правые взгляды. И ещё характерный эпизод. Звонит Рамзес маме и говорит: «Эльгена, Японский фонд прислал нам несколько коробок новых книг по Японии на английском языке. Может, что-то тебе или Василию нужно, приезжайте посмотреть!» Это год 1996-й, когда новых иностранных книг давно не поступало. Я был в Москве и сразу поехал в ИМЭМО делегатом от нашего семейства. «Рыться в книгах» – моё любимое занятие и единственное, что сближает меня с *Карлом Марксом*⁹². Приехал, что-то взял для мамы, для себя ничего не нашёл. Потом Рамзес сказал мне: «Я очень многих обзвонил, но смотреть книги приехали только Славинский и вы». Рамзес открыто выступал за передачу Японии Южных Курил, чем навлекал на себя бешеную критику – и темпераментно на неё отвечал. Всё это уже давно история.

Запомнились немногочисленные, но яркие встречи с патриархом нашего японоведения Яковом Александровичем Певзнером. Мне нужна была его книга 1950 г. о японских монополиях, которой у мамы почему-то не было. Он подарил нам свой последний

⁹² *Маркс Карл Генрих* (Marx Karl, 1818–1883), немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, лингвист, общественный деятель, историк.

свободный экземпляр с надписью «корпорации "Молодякова и сын"». Очень верно – и трогательно. Эту книгу Певзнер написал по материалам, кажется, дайренского филиала то ли «Мицуи», то ли «Мицубиси», захваченным Красной Армией в 1945 г. Привезли их в Москву, а читать некому. Вот ему и дали разбираться. На его книгу была ужасно бранная рецензия в «Правде» – результат каких-то аппаратных интриг. Зато сразу перевели в Японии, где её бросились читать местные экономисты. Много десятилетий спустя один из них сказал мне: «Кто бы тогда, после войны нас, японцев, пустил в архивы "Мицуи" или "Мицубиси". А тут вот всё, как на ладони...» Эту книгу и сейчас полезно читать – правда, уже историкам, а не экономистам.

ВГ: Участвовали ли вы в публикации, редактировании каких-либо письменных источников или документов по Японии?

ВМ: Я единолично подготовил к публикации сборник документов «Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. 1907–1929» (2005), составил, перевёл и прокомментировал сборник текстов Сиратори Тосио «Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933–1945» (2008).

ВГ: Принимаете ли вы участие в коллективных исследовательских проектах? Каких?

ВМ: С конца 1990-х по середину 2010-х я участвовал в двух дюжинах коллективных монографий (некоторые де-факто были сборниками статей) по японской тематике, выходивших под эгидой межинститутского Центра по изучению современной Японии РАН, затем Ассоциации японоведов. Потом меня перестали приглашать к участию. Полагаю, дело не в качестве работы, нареканий к которому я не помню.

ВГ: Принимаете ли вы участие в развитии современных российско-японских связей?

ВМ: На официальном или полуофициальном уровне – нет, потому что меня к этому не приглашали. Чиновники и функционеры обществ дружбы в обеих странах, похоже, не стремятся привлекать учёных к такой деятельности. В научных и культурных контактах много лет участвовал по мере сил, когда была такая возможность. Увы, в результате пандемии и известных политических событий контакты сошли на нет. Остаётся надеяться, что рано или поздно – лучше рано, чем поздно – они возобновятся. В этой сфере я мог бы сделать немало, но не зовут, а навязываться не в моих правилах.

ВГ: Ваш взгляд на современное состояние российского японоведения?

ВМ: Японоведение – это японоведы, живые люди, коллеги. Скажешь о ком-то критически – и обидам несть числа. Если серьёзно, у

японоведения те же самые проблемы, что у всего исторического, да, наверно, и всего гуманитарного научного сообщества России.

ВГ: Какие именно?

ВМ: Прежде всего отсутствие корпоративного духа и единства перед лицом общих врагов.

ВГ: Врагов? Кого вы имеете в виду?

ВМ: Во-первых, это халтурщики, плагиаторы, компиляторы, поставщики псевдоисторического «трэша», которым забиты книжный рынок, телевидение, интернет. Книги по Японии там тоже есть. Во-вторых, псевдоучёные с купленными и ворованными диссертациями. Слава богам, среди японоведов я таких не знаю. Те и другие позорят профессию, поэтому считать их «коллегами» я не могу. Действия чиновников, пропагандистов и депутатов тоже не всегда идут на пользу науке.

Оставшись среди коллег, что мы видим? Чёткое разделение на «своих» и «чужих». Раньше разделение шло больше по идейному признаку: «демократы» против «патриотов», те и другие в кавычках. Теперь по принципу близости к источникам финансирования или «админресурсу», к которым «чужим» лучше не приближаться. «Своим» можно всё: пропускаются самые слабые работы, мало-мальски приличные восторженно прославляются. Работы «чужих» можно игнорировать или втаптывать в грязь.

Я испытал на себе оба варианта. Например, получаю из издательства вёрстку солидного издания со своей статьей. Там же статья старшего коллеги и давнего знакомого на тему, по которой я много писал и публиковал 25-30 лет назад. Коллега тоже занимался этой темой, мы общались, дарили друг другу оттиски. И вот новая статья, где пересказываются давно известные вещи без единой ссылки на мои работы. В том же самом сборнике, что и моя статья. Я не умер, товарищи, я жив! И это не единичный случай. Как относиться к подобному игнорированию? Видимо, игнорировать в ответ – благо, приращения научного знания в подобных опусах на наблюдается.

Как следствие – исчезла конструктивная критика. Любая критика воспринимается как личное оскорбление, на которое отвечают личными оскорблениями и интригами... и пошло-поехало.

Разрушен институт репутации, по крайней мере, публичной, ибо, по гамбургскому счёту, люди внутри «цеха» понимают, «кто есть ху». Хотя бы должны понимать... Про Диссернет мы все знаем. Есть и другие примеры о которых неприятно говорить. Беспокоят даже не отдельные случаи неэтичного поведения, а терпимость к ним. «Не надо выносить сор из избы»? Если его вовремя не вынести, сначала будет грязь, а потом эпидемия.

ВГ: Каким направлениям, темам, проблемам уделяется приоритетное внимание в современном российском японоведении?

ВМ: Скажу лишь об исследовательской работе, а не о преподавании и не об изучении языка, ибо в этом несведущ. С одной стороны, текущему моменту – внутренней и внешней политике, экономике (хотя, вероятно, надо уделять ей больше внимания, как и развитию науки), проблемам безопасности, международным отношениям, в том числе российско-японским, масс-культуре. Это понятно и оправдано. С другой стороны, традиционному циклу, который в советское время начальство считало второстепенным. Это тоже понятно и оправдано.

ВГ: Какие из опубликованных в последние годы трудов японоведов кажутся вам наиболее важными и достойными внимания?

ВМ: Позвольте воздержаться от суждений о трудах коллег, равно от похвал и от критики. Должен отметить серию «Новые исследования по японской культуре», в которой в 2014–2018 г. при поддержке Фонда изучения японской культуры имени Умэда Ёсими (это сугубо частная инициатива) были опубликованы первые монографии пяти российских японоведов. Я имел непосредственное отношение к их редактированию и могу сказать со всей ответственностью: все книги очень хорошие. А первую книгу, как известно, труднее всего издать.

ВГ: Какие направления, темы и проблемы особенно актуальны, но не получают должного внимания российских японоведов?

ВМ: Если говорить о текущем моменте, я не вижу работ о японской идеологии, философии, политической мысли, пропаганде. Да, они не блещут оригинальностью, но они существуют. Недостаточно работ о политических партиях и организациях, лоббистских структурах и think-tank. Единичные специалисты в курсе развития японской историографии, её школ, направлений, дискуссий. Если говорить о новом времени от *Мэйдзи исин* до 1945 г., видна фатальная нехватка исследований почти по всем ключевым проблемам, не говоря о переводе и издании даже базовых источников. Я перевёл статьи Сиратори, потому что писал его биографию и меня заинтересовали его идеи, но он, во-первых, не самый выдающийся политический мыслитель эпохи, а во-вторых, в русскоязычной литературе перевод его работ оказался в вакууме. Советские работы по этим проблемам, довоенные и послевоенные, безнадежно устарели, причём не только в силу идеологического диктата. Этот период, интересный лично мне, не привлекает внимание наших японоведов, за исключением вечно актуальной темы двусторонних отношений и модной темы Русского Зарубежья. Вдобавок в немногочисленных работах молодых авторов все чаще встречаются повторения советских штампов – очевидно, почерпнутые из «сети».

ВГ: Ваша оценка миссии и перспектив российского японоведения, с учётом нынешнего состояния и смены поколений?

ВМ: По объективным причинам, о которых я говорил, японоведение во многом утратило системный характер и стало частным делом отдельных японоведов. Если в этих условиях мы хотим сохранить японоведение как полноценную научную дисциплину, ему нужен лидер. Не диктатор, а дирижёр. Лидер, который способен собрать высокопрофессиональный коллектив (не только на основе гранта, который надо «освоить»), поставить и обосновать оригинальную задачу, выдвинуть концепцию, обеспечить качественную работу всех членов коллектива, т.е. помогать им, но и требовать с них, руководствоваться только профессиональными качествами, а не личными симпатиями и антипатиями. Лучше несколько лидеров по основным направлениям изучения. Пусть никто не обижается, но сейчас такого лидера нет. Есть учёные, у них есть ученики, но нет необходимого масштаба, зато есть чёткое разделение на «своих» и «чужих». Об этом не принято говорить публично, но, если нас действительно заботит будущее российского японоведения, а не только собственное эго, подобная страусиная позиция губительна.

ВГ: Вы могли бы стать таким лидером?

ВМ: Упаси Господи, нет! Я у меня нет ни лидерских амбиций, ни лидерских качеств. И я не люблю брать на себя ответственность за других.

ВГ: Ваши мысли и пожелания по поводу будущего российского японоведения?

ВМ: Это вытекает из ответа на предыдущие вопросы. Если будут лидеры, способные отказаться от деления на «своих» и «чужих» и руководствоваться только профессиональными соображениями, у российского японоведения есть будущее даже в нынешних условиях государственного невнимания и ограниченного финансирования. Если нет, то будет стагнация, не-развитие. Хорошие учёные будут выдавать хорошие работы, средние – средние, слабые – слабые, и все они будут печататься под одной обложкой. Не будет дискуссий, не будет критики. Тишь да гладь. Очень многих это устраивает.

ВГ: Ваш взгляд на зарубежное японоведение и японоведов?

ВМ: Вопрос колоссального объёма, ответить на который непросто. Основу современного японоведения составляет англоязычное, и не только потому что английский язык – латынь современной науки. Сильные школы японоведения есть в Великобритании, США и Австралии. Многие японские и европейские учёные пишут по-английски и публикуют свои работы в переводе. Поэтому сейчас для мирового японоведения, точнее, для знакомства с его достижениями, важнее знать английский язык, чем японский. Это, разумеется, не

значит, что японоведа не надо знать японский! Что касается зарубежных японоведов, я не интегрирован в их среду и ничего не могу сказать о ней.

ВГ: Ваши мысли и пожелания по поводу «глобализации» японоведческих исследований?

ВМ: Если речь о максимальном расширении международных связей, привлечении иностранных ученых к сотрудничеству с российскими исследовательскими центрами, учебными заведениями и изданиями, об усилиях по презентации достижений российского японоведения в мире – я только за. Однако я не вижу никакой серьезной, системной работы в этом направлении. А в нынешней политической ситуации об этом и говорить не приходится.

О Японии и японцах

ВГ: Вы давно живете в Японии. Наверное, всю страну объездили?

ВМ: Я постоянно живу и работаю в Японии с апреля 1995 г. Путешествовал по Японии не так много: я домосед по характеру, да это и недешево. Конечно, есть любимые места. Токио, где я живу, и его окрестности, особенно горы и тихоокеанское побережье – очень люблю здешние морские пейзажи, настоящий *Тёрнер*⁹³. Там мы купаемся круглый год, кроме самых жарких летних месяцев. Киото, Нара и их окрестности – там хороши не только всемирно известные достопримечательности, но и то, что ты открываешь сам для себя и показываешь только друзьям. Сельский регион Тохоку в северной части Хонсю – там мы проводим лето, катаясь на велосипедах среди рисовых полей, когда Токио превращается в раскаленную печь.

Активный отдых. Преф. Мияги. Август 2021. Фото О.В. Андреевой.

⁹³ *Джозеф Уильям Тёрнер* (англ. *Joseph Mallord William Turner*, 1775–1851), британский живописец и график, мастер пейзажа.

Я не воспринимаю Японию как «заграницу» и не воспринимаю её как «родину». Это страна, в которой я живу, которую я люблю, с которой во многом сроднился, но где живут чужие мне люди. Я почти не выезжаю в другие страны, поэтому впервые почувствовал себя по-настоящему «за границей» в Тайбэе, куда дважды ездил на конференции. Впервые ощутил себя «без языка». Слава богам, было кому мне помочь посмотреть город, а на конференции обходился японским.

ВГ: Вам понравился Тайбэй?

ВМ: Интересно, но не более того. Чем-то похож на Токио, чем-то на Москву, чем-то совсем чужой. Желания переселиться туда не возникло, хотя мой японский приятель живёт и работает там уже лет 15 и очень доволен. Говорит, что по сравнению с Токио жизнь очень неспешная и комфортная, в том числе в моральном плане

Сильное впечатление произвел Институт тайваньской истории Академии Синика, где нас принимала профессор *Чжун Шу-Минь*⁹⁴, ваша знакомая. Мы с японскими коллегами обзавидовались – нам бы такие отличные условия для работы! Они молодцы – издают и переиздают ценные иностранные источники по истории Тайваня. В 2002 г. впервые напечатали «Отчёт о Формозе» французского журналиста и аналитика *Реджинальда Канны*⁹⁵, который посетил остров в 1906 г. по заданию морского министерства и министерства колоний. Тайваньские историки нашли в архивах его служебный отчёт и опубликовали французский оригинал и перевод на китайский язык. Ни в Японии, ни в России об этом никто не знал, и я был рад ввести такой интересный источник в научный оборот в обеих странах.

ВГ: На гору Фудзи поднимались?

ВМ: Один раз. Есть в Японии такая поговорка: «Кто ни разу не поднимался на Фудзи, тот дурак. Кто дважды поднимался – дважды дурак».

ВГ: Ваши отношения с японской кухней?

ВМ: Очень люблю, но не всё. Люблю лёгкую натуральную еду. Например, *суси* – в отличие от многих иностранцев, у меня никогда не было проблем с сырой рыбой. Люблю *темпура*⁹⁶ и *унаги*⁹⁷, хотя это не такая уж легкая еда. Люблю маринованные овощи *цукэмоно*,

⁹⁴ *Чжун Шу-Минь* 鍾淑敏 – Историк, PhD, профессор, научный сотрудник, зам. директора НИИ истории Тайваня при Академии Синика (Тайбэй).

⁹⁵ *Канн Реджинальд* (*Kann Reginald*, 1876–1925), французский журналист, политический и военный аналитик.

⁹⁶ Темпура – категория блюд японской кухни из рыбы, морепродуктов и овощей, приготовленных в кляре и обжаренных во фритюре.

⁹⁷ Унаги – японское блюдо из копченого пресноводного угря.

блюда из курицы. Равнодушен к лапше разных видов, не люблю всё, что сделано из бобов и батата, а также местные сладости. Люблю *сакэ*, кроме сладкого, *сёту* не пью вообще. Прочую азиатскую кухню, в том числе китайскую, не люблю – она для меня слишком жирная, слишком острая или слишком пряная. Словом, тяжёлая.

ВГ: Нельзя не спросить про ваше отношение к японскому пиву! «Асахи», «Кирин» или «Саппоро»?

ВМ: Не принадлежу ни к одной из фракций – это же не футбольные команды! Все эти компании выпускают много новых интересных сортов, как бы конкурируя друг с другом, но на самом деле действуя синхронно. На моих глазах японцы научились делать отличное темное пиво, а сейчас успешно освоили «янтарное». Я его особенно люблю за сочетание вкусовых достоинств светлого и темного. От упоминания конкретных марок и сортов воздержусь, а то обвинят в рекламе! И главное – знать меру!

ВГ: Ваш опыт общения и сотрудничества с японцами.

ВМ: Это полжизни надо рассказать... Общение и сотрудничество с японцами у меня почти исключительно профессиональное, рабочее если не считать ежедневного быта. Я никогда не стремился «стать японцем», слиться с ними. Видел такие попытки – неудачные. Я всегда помню, что я *гайдзин*, не просто «иностранец», но «чужак». Главное – понять это и уметь этим пользоваться, в самом хорошем смысле, конечно. Как и то, что японцы – не такие, как мы, и что реакции у них другие.

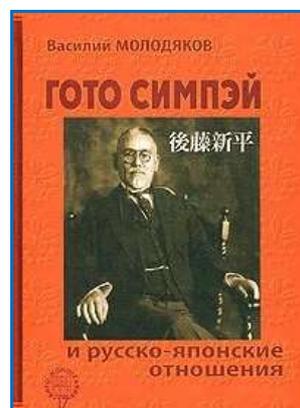
Вот пример, который я всегда привожу своим студентам, японцам и иностранцам. В японском языке нет однозначных слов «да» и «нет». Помню, как во время обсуждения какого-то вопроса в парламенте (смотрел в прямой трансляции) депутат от оппозиции раздраженно сказал премьеру: «Ответьте определенно, Yes или No». Так и сказал, используя английские слова. А премьер снова: «С одной стороны... с другой стороны...» Когда японец хочет сказать определённое «нет», он говорит «немножко сложно» (*тётто мудзукасий*). Другой японец его понимает. Иностранец же думает, что собеседник, грубо говоря, набивает цену: сложно, но возможно. И ждёт, что японец это сделает. Японец уверен, что сказал «нет» и что его поняли, поэтому ничего не делает. Итог – конфликт, причём японец изумлён претензиями иностранца. Поэтому, говорю я японцам, в общении с иностранцами всегда чётко говорите «да» или «нет» – вам же проще будет.

Японец может искренне проявлять интерес и расположение к новому знакомому-иностранцу и полностью забыть его, как только интерес пройдет. Они милы и любезны с вами, когда у вас всё хорошо, но поддержку в трудную минуту окажут лишь единицы.

Говоря о сотрудничестве, надо помнить, что японцы – страшные формалисты и больше всего не любят брать на себя ответственность. Трагедия на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. показала это в полном масштабе, что нехотя пришлось признать и самим японцам. По части «согласовать» они дадут сто очков вперёд самым матёрым советским и российским бюрократам. Для таких людей у японцев есть выражение *мадзимэ сугиру*, дословно «слишком серьёзный», но на русский язык это будет точнее перевести как «долбо... дятел», скажем так. Сообразительные люди встречаются здесь редко.

ВГ: Звучит сильно, не слишком ли категорично?

ВМ: Таков мой личный опыт. Расскажу один эпизод. В 2005 г. по предложению издательства «Фудзивара сётэн» я сделал книгу «Гото Симпэй и русско-японские отношения» для перевода на японский язык. Выбрал из своих работ всё, относящееся к этому выдающемуся государственному деятелю, который внёс огромный вклад в двусторонние отношения, исправил, дополнил, скомпоновал – получилась новая книга. И подумал, а почему бы не издать этот вариант по-русски за счёт нашего университета, поскольку Гото был его третьим ректором и почитается как один из столпов. Подал записку непосредственному начальнику. Тот ответил, что надо дожидаться полного японского перевода, пустить его по всем инстанциям, т.е. горизонтально, а не вертикально, и дожидаться решения. Я понял, что это на годы (японский перевод вышел в 2009 г.) и приуныл. Вдруг начальник сказал: «Пойдем к президенту» (университета). Тогдашний президент *Фудзито Тацунобу*⁹⁸ лично знал и моего начальника, и меня. Проглядев записку с приложенной сметой на издание, он переспросил: «Две тысячи долларов (перевожу из иен для большей понятности – В.М.), не двадцать тысяч? Выдать! Спасибо за труды, Василий-сан». Через несколько месяцев я вручил ему экземпляр русского издания. У этой истории хороший конец, но так бывает нечасто.

⁹⁸ *Фудзито Тацунобу* (1932–2016), президент ун-та Такусёку (2001–2011).

Японцы обожают заседать, причём по любому вопросу и на много часов. В бытность научным сотрудником мне приходилось сидеть на заседаниях, где моего мнения даже не спрашивали, а я терпеть не могу терять время зря. Начальник – тот, с которым мы ходили к президенту университета, – видя мое страдальческое лицо, говорил мне: «Ладно, иди работай». Спасибо ему. Сколько времени он спас для науки!

ВГ: Как вы следите за событиями в Японии?

ВМ: Как и все – прежде всего через интернет. Актуальная японская политика не входит в сферу моих профессиональных интересов, но, разумеется, я должен быть в курсе событий. Слежу за общими тенденциями во внутренней и внешней политике.

ВГ: Ваш взгляд на изменение роли и места Японии в мировом масштабе?

ВМ: До Второй мировой войны всё было просто. Япония претендовала на роль политического и экономического лидера Азии в борьбе против «белого империализма». Не получилось. После войны, точнее, с конца 1950-х годов, Япония претендовала на роль экономического лидера несоциалистической Азии в качестве главного союзника США. Сейчас на роль экономического лидера Азии, по крайней мере, в сфере производства и торговли, претендует КНР, а двух лидеров в Азии быть не может. Япония опережает КНР в финансах, науке и технологиях, но в сфере производства уже не может конкурировать. Кроме того, Япония – единственная азиатская страна, являющаяся членом «Семёрки», и самая вестернизированная. Другой мой начальник в университете *Идзир Кадзуо*⁹⁹, умный человек, говорил, что Японии надо быть «азиатской Швейцарией»: не участвовать во внутриазиатской промышленной и торговой конкуренции, но сохранять финансовое лидерство – а также научное и технологическое, которого у настоящей Швейцарии нет – и возможность выступать арбитром во внутриазиатских спорах. Такая точка зрения представляется мне заслуживающей внимания.

Много разговоров о реформе японской Конституции. Левые кричат: «Защитим мирную Конституцию, не допустим милитаризма!» Это чистой воды популистская риторика. Дело даже не в том, что конституцию Японии в 1946 г. написали американские офицеры из Штаба оккупационных войск. Дело в том, что со времени её вступления в силу в 1947 г. в ней не менялся ни один знак, а реалии окружающего мира радикально изменились. И дело не только в пресловутой «мирной» Девятой статье. Кстати, за идеей отказа от войны стоял... «военный преступник» Сиратори, герой моей книги –

⁹⁹ *Идзир Кадзуо* (1938–2015), японский историк, культуролог, эссеист.

я уже не раз рассказывал эту историю. Много в конституции надо привести в соответствие с изменившимися реалиями. И, наконец, чётко указать, кто же в Японии является «главой государства».

В нынешних разговорах, в том числе в России, о страшном «японском национализме» очень много фантазий, много пропаганды и мало истории. Тема отдана на откуп тенденциозным и не всегда компетентным толкователям.

ВГ: И это ещё одна тема, которая требует более глубокого изучения! Ваш взгляд на события последних десятилетий в Японии?

ВМ: Ответом должна стать большая аналитическая статья или книга, но её написание не входит в мои планы. Дело вот в чём. Когда на протяжении более четверти века постоянно видишь события день за днём, не замечаешь перемен. Это всё равно, что ежедневно смотреть на себя в зеркало. Потом встречаешь знакомого, которого не видел десять лет, и думаешь: Батюшки, как он постарел! А как сам постарел – не замечаешь.

ВГ: Ваш взгляд на современное состояние Японии и происходящие там изменения?

ВМ: Уже более тридцати лет, точно начиная с краха «мыльного пузыря» в экономике, японские политики всех мастей и аналитики всех специальностей дружно говорят, что «нужны реформы» и даже «радикальные». Это стало общим местом, мантрой, если угодно. Но никаких радикальных реформ я не вижу. Реформы всегда приносят неудобства каким-то группам избирателей, а никто из политиков не хочет терять голоса. Гораздо удобнее кричать о необходимости реформ и не делать ничего, что затронуло бы интересы избирателей. О пресловутой абэномике судить не берусь, поскольку ничего не смыслю в этом. Один экономист с регалиями говорит: абэномика – триумф потому-то и потому-то. Другой с регалиями: абэномика – провал потому-то и потому-то. Кому верить?

ВГ: Каков ваш взгляд на будущее Японии и японцев?

ВМ: Я историк, моё дело – «предсказывать назад», как говорил Шлегель¹⁰⁰ (а не Гегель¹⁰¹, которому Пастернак¹⁰² приписал эти слова). Серьёзное беспокойство вызывает непрерывное старение нации. Не берусь судить, насколько реальна угроза депопуляции, но трудоспособное и платящее основную массу налогов население сокращается, а нетрудоспособное растёт, несмотря на то, что многие японцы предпочитают работать как можно дольше. С этим связана и

¹⁰⁰ Шлегель, Фридрих фон (Schlegel Friedrich, 1772–1829), немецкий писатель, филолог, философ, эстетик.

¹⁰¹ Гегель, Георг Фридрих Вильгельм (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich, 1770–1831), немецкий философ.

¹⁰² Пастернак Борис Леонидович (1890–1960), поэт, прозаик, переводчик.

проблема иммиграции. С одной стороны, Япония остаётся закрытой и ксенофобской страной – не в смысле ненависти к иностранцам, а в смысле чёткого ощущения их чуждости и внутренней антипатии к ним, хотя мало кто из японцев в этом признается. С другой стороны, Японии нужны трудовые мигранты. Тут тоже необходимы некие внутренние реформы, но... о реформах я уже говорил.

ВГ: Ваш взгляд на современное состояние отношений России и Японии?

ВМ: Старый солдат «холодной войны» *Кимура Хироси*¹⁰³ повторял: «Отношения между Россией и Японией плохие, и это нормально». Я возражал: «Отношения между Россией и Японией плохие, и это ненормально». Во второе премьерство Абэ Синдзо они были вполне приличными даже после 2014 г., когда Япония присоединилась, впрочем вяло и неохотно, к антироссийским санкциям. Сейчас... опустим завесу жалости над этой сценой. Хотя в Японии раздаются голоса, призывающие подумать, соответствует ли такой курс национальным интересам самой Японии.

ВГ: Восприятие вами и россиянами образа Японии и японского народа?

ВМ: Отвечать за всех россиян я не берусь, а о первых впечатлениях некоторых уже говорил. Образ Японии в России до сих пор изрядно романтизирован или просто искажён, причём в сторону как позитива, так и негатива. Информации в том же интернете много, но далеко не вся она оригинальна или достоверна. Часто её производят досужие люди, желающие как-то на этом заработать, или пропагандисты – с обеих сторон. Отрадно, что больше стало научно-популярных лекций настоящих специалистов. Хороших популярных книг до сих пор мало, но, может, они и не нужны в век господства «сети»?...

ВГ: В чём сходство судеб Японии и России?

ВМ: У обеих длинная и богатая история, богатая и разнообразная культура. Обе на начальном этапе истории испытали влияние более старых культур: Россия – Византии, откуда пришло христианство; Япония – Китая, откуда пришёл буддизм. Обе совершили мощный и успешный модернизационный и вестернизационный рывок и во многом развивались по так называемой «догоняющей модели». Обе на определённом этапе развития воспринимали Европу как единое целое. Список можно продолжить, но думаю, что это главное.

ВГ: Что разделяет и что сближает Японию и Россию?

ВМ: Разделяет прежде всего политика, точнее, политики, а СМИ подливают масла в огонь, особенно с японской стороны. Сближает

¹⁰³ *Кимура Хироси* (1936–2019), японский историк, политолог, советолог, почетный проф. ун-та Хоккайдо.

понимание – увы, присущее недостаточному количеству людей, – что мы соседи, что нам по большому счёту нечего делить, а от дружбы или хотя бы сотрудничества будет лишь взаимная польза. Но пока это, увы, остаётся в основном на словах.

ВГ: Каково будущее отношений между Россией и Японией, россиянами и японцами?

ВМ: *С.Л. Тихвинский*¹⁰⁴, в своё время внесший немалый вклад в советско-японские отношения, выпустил книгу «*Россия и Япония: обречены на добрососедство*»¹⁰⁵. Мы – соседи, это неотменимо. А с соседями лучше дружить или как минимум не ссориться, даже если они вам несимпатичны.

Подводя итоги

ВГ: Каковы ваши самые большие профессиональные достижения и разочарования?

ВМ: Самое большое достижение – то, что я всё-таки много сделал, тем более, не всегда в благоприятных условиях. Самое большое разочарование – то, что полдюжины задуманных книг, в основном не имевших аналога в российской историографии, остались не востребованными и ненаписанными. Написал бы, если бы вовремя нашёлся издатель, а мне не пришлось бы тратить время на заработки ради хлеба насущного. Теперь уже не напишу – время для них ушло. Печально и то, что в нашей среде – я говорю

про всю среду – не хватает товарищеского отношения к коллегам, оценки работ по профессиональным критериям, а не по личным симпатиям и антипатиям. Разве мы не одно дело делаем?!

ВГ: Какие качества необходимы для того, чтобы стать профессиональным японоведом?

ВМ: Скажу о качествах, необходимых профессиональному историку. Любознательность. Работоспособность и усидчивость. Критическое

¹⁰⁴ *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918–2018). Китаевед, дипломат, д.и.н. (1953), ЧПП СССР (с 1966), академик РАН (1981). Дипломат в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Дир. ИК (1960–1961), зам. дир. Ин-та нар. Азии (1961–1963) и ИЭМСС АН СССР (1963–1964), ректор Дип. акад. МИД (1980–1986). Почёт. предс. Нац. ком. рос. историков (с 1994) и ОРКД (с 2003).

¹⁰⁵ *Тихвинский С.Л.* Россия–Япония обречены на добрососедство: Воспоминания дипломата и заметки историка. М.: Памятники исторической мысли, 1996, 253 с.

отношение к любым источникам, мнениям и трудам, включая собственные. Стремление к максимальной полноте охвата проблемы. Знание работ предшественников. Знание английского языка в дополнение к профильному. Точность в отношении фактов и формулировок. Умение помещать частную проблему в общий контекст. Объективность, способность абстрагироваться от личных симпатий и антипатий. Готовность к открытиям, переворачивающим все ваши представления, к тезисам и выводам, противоречащим общепринятому мнению и даже шокирующим, – при условии их должной обоснованности. Готовность идти против общепринятого мнения в отстаивании своей точки зрения, если вы в ней уверены (остановить может только УК РФ). Готовность принять любую обоснованную критику, даже если она исходит от противников или несимпатичных вам людей. Готовность выдержать любые нападки и клевету, умение игнорировать их. Впрочем, это каждому учёному необходимо. Японисту в дополнение к этому нужно максимально хорошее знание языка, истории и культуры Японии. Как и в случае любой другой изучаемой страны.

ВГ: Есть ли у вас своё «японоведческое кредо» (девиз)?

ВМ: Отдельного японоведческого нет, а общеисторическое есть. Историк – это не карьера, а служение. Если вы хотите делать карьеру и зарабатывать деньги – идите на государственную службу или в бизнес, не занимайте место в науке. Если это служение станет главным делом вашей жизни, то станет и её главной радостью. Как у меня.

ВГ: Ваши пожелания молодым японоведам?

ВМ: Самое главное – как можно лучше изучить язык, особенно если вы хотите жить и работать в Японии. Глобализация глобализацией, а без японского языка в Японии никак. Всегда помните, что вы *гайдзин* (иностранец / чужак). А в остальном – *гамбаттэ кудасай* (старайтесь / держитесь!).

ВГ: Тогда, наверное, нужно убрать из этого пожелания слово «если» и сказать – обязательно хоть какое-то время жить и работать (учиться) в Японии! Спасибо за содержательное и откровенное интервью!

ВМ: Спасибо вам за интересные и правильно поставленные вопросы!